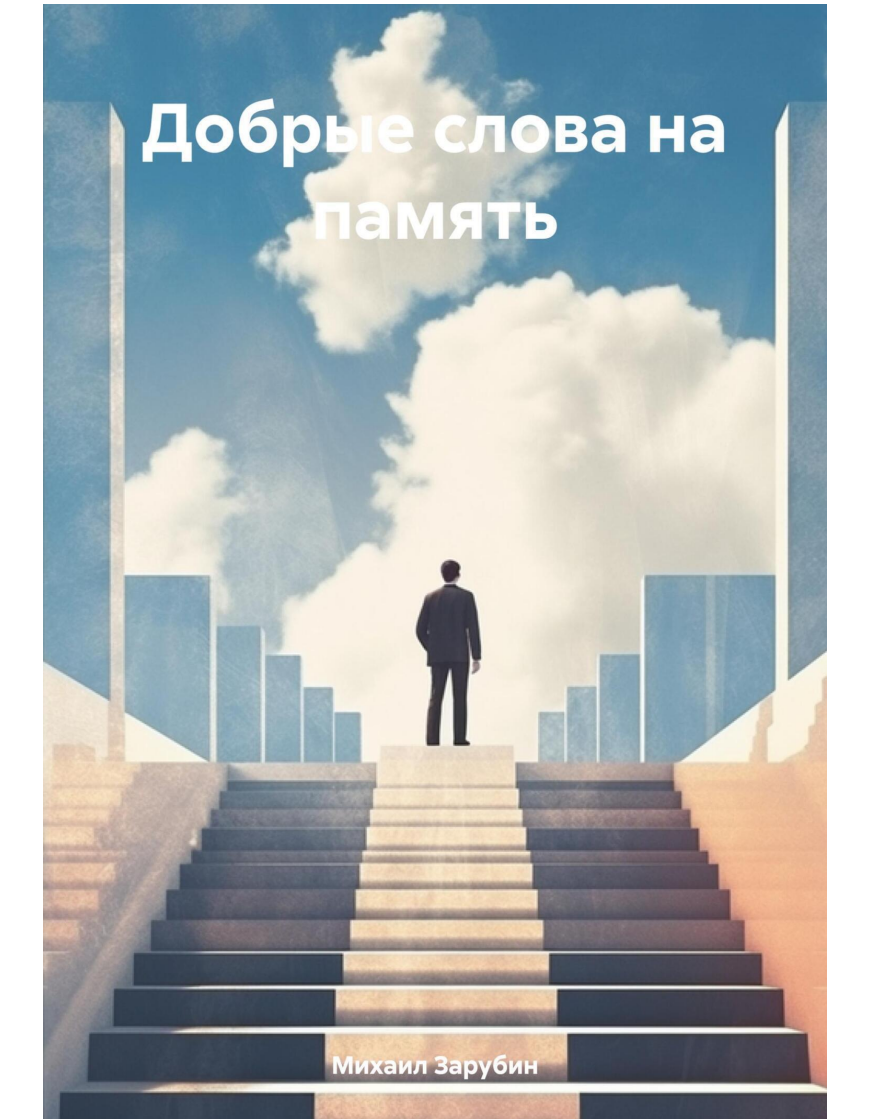

Добрые слова на память

A man in a dark suit stands with his back to the camera on a wide, multi-colored staircase that leads up to a stylized city skyline. The sky is bright blue with large, white, fluffy clouds. The overall scene is bright and optimistic, suggesting a journey or achievement.

Михаил Зарубин

Михаил Константинович Зарубин

Добрые слова на память

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70614742

SelfPub; 2024

Аннотация

В новой книге «Добрые слова на память» автор рассказывает о своих коллегах, с которыми прошел долгий и сложный период становления ленинградской промышленности. Особенно много таких слов он посвятил Петру Георгиевичу Семененко, Генеральному директору Кировского завода.

Содержание

Дома и книги	4
Встречи в Петербурге	12
Добрые слова на память	48
1	48
2	54
3	67
4	76
5	84
Для продолжения жизни	90
Об авторе	126

Михаил Зарубин

Добрые слова на память

Дома и книги

Дома живут дольше, чем люди. Книги живут дольше домов, дольше храмов, дольше всех вообще рукотворных вещей, созданных человеком. И только идеи, записанные на бумаге, на клочке папируса или на глиняной табличке – бессмертны. Эта красивая апофегма верна по своей сути, поэтому можно простить древнему греку, ее придумавшему, излишний блеск и законченность.

В этом кратком предисловии я хочу рассказать о человеке, который строит дома и пишет книги, то есть занимается самыми важными делами, которые только можно себе вообразить в человеческом сообществе.

Михаил Зарубин родился после войны в маленькой таежной деревеньке Кеуль, на берегу Ангары. В новелле «День рождения» он так рассказал о своем появлении на свет:

«...Я открыл глаза и увидел кусочек нашей сибирской природы: пронзительно-синее небо, высокий ангарский берег, а на берегу дом, где жила наша семья. Глухо шумела Ангара, о чем-то своем шелестела впадающая в нее речка Кеулька, а на меня внимательно смотрели три пары глаз: ма-

мины и сестер – Милы и Капы. Не знаю, сколько мне было: месяц, два, три? Память выхватывает только отдельные картинки – яркие и радостные. Но самой первой, конечно, я увидел бабушку Степаниду с черными и корявыми от тяжелого крестьянского труда руками: это она принимала роды у моей матери, произведя увесистый шлепок в нужное место, отчего я громко заорал, оповещая жителей Кеуля о своем появлении на свет. Смотрите, вот он Я, ваше продолжение, ваша надежда и опора!

Я вспомнил день своего рождения через шестьдесят с лишним лет. Вспомнил своенравную Ангару, нашу кормилицу и спасительницу, теплую колючую землю, по которой шлепал босиком, лавочку перед палисадником, где сидел и ждал с работы отца с матерью. И не просто вспомнил, я все это ощутил. Передать словами подобные ощущения очень непросто. Как расскажешь о сладкой деревенской гармонии, когда от таежной тишины и чуть слышного пения птиц хочется плакать?»

Свою биографию писатель изложил в своих произведениях достаточно полно: детство в деревенской глуши, на берегу Илима, в крошечной деревне Погодаевой, сказочный Крым под ослепительным южным солнцем, куда двенадцатилетнего Мишу Зарубина, как лучшего ученика, отправили в пионерский лагерь Артек, смерть матери, учеба в иркутском строительном техникуме, первая любовь, женитьба, и дома, дома, дома, которые он строил в самых разных уголках на-

шей страны.

В семидесятые годы он приехал в Петербург, и этот город так полюбился ему, так поразил его воображение, что он сразу понял – это любовь на всю жизнь.

Сорок лет он строит в Ленинграде-Петербурге жилые дома, заводские корпуса, школы и больницы. Он в совершенстве овладел наукой строительства, получил звания академика, Заслуженного строителя России, почетного гражданина Кировского района города Петербурга, награжден орденами, медалями, дипломами, памятными знаками, словом, всем тем, чем только можно наградить человека. Он наивно, как-то по-детски радуется этим знакам государственного внимания, и при случае не прочь похвалиться очередной «игрушкой», как он сам их называет.

Как все романтически настроенные юноши, он писал стихи, печатал в газетах свои заметки, очерки, репортажи, одно время даже всерьез подумывал о том, чтобы связать свою судьбу с журналистикой, но получилось так, что он был вынужден выбрать другую, более приземленную профессию – он стал строителем.

Однако любовь к слову, к литературе, всегда была основой его личности, его мировоззрения – оно было воспитано в иркутских литературных объединениях, откуда вышли известные всей стране писатели: Валентин Распутин, Александр Вампилов, Геннадий Машкин, Анатолий Мошковский, и многие другие.

Михаил Зарубин пришел в художественную литературу довольно поздно, дебютировав повестью «Я родом с Илима». В ней он рассказал о своем детстве, которое прошло в деревне Погодаевой, о ее жителях, своих сверстниках, о стариках и старухах, которые еще помнили царя-батюшку, но ничего не знали о крепостном праве – его просто не было в далекой сибирской глухомани.

Во второй своей повести «Горький дым» писатель обратился к сложной и неоднозначной теме: отношению человека к Природе, к земле, на которой он живет, к дому, который он строит своими собственными руками, и сам же его разрушает. Вряд ли кому-нибудь придет в голову упрекать автора в «повторении пройденного» – с Валентином Распутиным его роднит только тема; он нашел свои, горькие слова, как тот угрюмый дым, который стоял над горящей деревней:

«...Горят дома. Горький дым стоит над деревней, в дыму висит оранжевое солнце, без лучей, тусклое, жуткое. Его отражение колеблется в мутной воде Илима.

Горят деревья на высоком берегу. Хорошо видно, как огонь, играя, влезает по коре стволов, извивается вокруг них, прячется куда-то, а вслед за ним ползут золотые муравьи, и зеленоватые лишай становятся серыми, потом быстро чернеют. Вот снова откуда-то выбежал огонь, грызет порыжевшую траву.

Щебета птиц не слышать, хотя леса богаты певчей птицей. Невозможно видеть, как зеленое мертвеет, покрывается

рыжей ржавчиной и часто, даже не вспыхнув огнем, листья сыплются на землю пепельными бабочками, обнажая тонкие ветки. Но иногда лист, иссушенный жарою, вдруг весь вспыхнет и осыплется сотнями желтых и красных мотыльков, Я видел, как нижние лапы пышных елей быстро теряют бархатный, темно-зеленый лоск, рыжеют, ржавеют, и вдруг, озолотясь, брызгают во все стороны густым дождем огненно-красных искр. Вот они с легким треском дружно взвились ввысь, осяв всю пирамиду елки, взвились, потом исчезли, а дерево стало черным, и лишь кое-где на концах голых веток мелькают маленькие огненные цветки.

Быстро желтеет мелкий березовый лист, когда по белому стволу гибко вползает огонь. Ветви курятся синим дымом, тихонько посвистывая. И кажется, что в тихом свисте горения звучат начала каких-то других песен – странных, глубоких, трагичных.

На опаленной земле валяются старые ведра, ржавые пилы, топоры, литовки, корчаги, среди них самодельная кукла, набитая опилками, с оторванной рукой. Печные трубы – как памятники...»

Проза Зарубина характерна открытостью, яркой публицистичностью. В городе, где он живет и работает, ему до всего есть дело: от попыток властей выстроить в городской черте гигантскую газпромовскую башню, до судьбы знаменитого здания питерского театра БДТ, которое он сумел уберечь от неминуемого разрушения. Не случайно вот уже несколь-

ко лет Зарубин работает в Общественной палате города, куда приглашают только самых авторитетных специалистов в различных областях народного хозяйства, науки и культуры.

В новой книге «Добрые слова на память» он рассказывает о своих коллегах, с которыми прошел долгий и сложный период становления ленинградской промышленности. Особенно много таких слов он посвятил Петру Георгиевичу Семенову, Генеральному директору Кировского завода, выпускавшему не только знаменитые трактора, но и танки, турбины, и еще много такого, без чего оборона страны не могла обойтись.

«...Мы были ровесниками. Однако он всегда казался мне значительно старше, солиднее, умнее, и вообще обладал качествами, которыми я хотел бы обладать. По служебной лестнице мы поднимались почти синхронно: он стал главным инженером на заводе, я – в тресте. Его назначили Генеральным директором объединения, меня – управляющим 47-м трестом. Так, рука об руку, мы проработали пять лет. Много это или мало? Сейчас мне кажется – мало.

Реконструировать и строить Кировский завод было необычайно интересно. Что ни построишь – все впервые, все уникально. Любой профессионал мечтает о таких объектах. Мне, можно сказать, повезло, в тридцать шесть лет я стал возводить цеха знаменитого завода, руководя строительным управлением. Сейчас, когда я иду мимо Кировского, меня переполняет гордость за то, что мне удалось когда-то сде-

лать. Вот этот цех, например, построили за год, хотя в это никто не верил. По четкому совмещенному графику одновременно работали строители и монтажники трех десятков специальностей: на крыше вставляют стекла в фонари, под перекрытием идет окраска, тянут провода, прокладывают паровые и воздушные магистрали, монтируют станки, заливают пол... Сколько сил, бессонных ночей... А все-таки смогла, успели – поет душа.

Гордость завода – прокатный цех. Сразу в глаза бросаются огненные слитки, они медленно плывут по вальцам, создавая вокруг какой-то призрачный, сказочный свет. В конце, у глухой стены лежат многотонные штабеля уже остывшего металла...»

Словно боясь что-то упустить, недосказать, не реализовать, автор торопится попробовать свои силы в различных литературных жанрах: в стихах, которые он сочинял в далекой юности, в сказках (не так давно вышла книга «Сказочные истории» с рисунками талантливого питерского художника Игоря Беличенко), в больших и малых формах – повестях и рассказах. Судьбы его героев чаще всего трагичны: таков русский солдат, искалеченный в Афганистане и в конце концов нашедший себя в вере, таковы два деревенских мальчишки, два друга из повести «Кровные братья», таков и главный герой повествования Мишка Карнаухов, хлебнувший раннего сиротства («Долгая дорога к маме»).

К огромному списку наград Михаил Зарубин в последние

годы добавил еще несколько литературных: его книга «Через годы, через расстоянья...» была удостоена премии имени Николая Тихонова, а «Прогулки с Андреем Толубеевым» – Всероссийской премии имени А. К. Толстого. Совсем недавно его повесть «Монах» была удостоена Всероссийской православной литературной премии имени Святого Благоверного Великого князя Александра Невского. Стоит подчеркнуть, что это единственная литературная награда, учрежденная монастырем в России.

Пожелаем же ему новых литературных удач и свершений в столь трудных, благородных и благодарных профессиях – писателя и строителя.

*Александр ЯКОВЛЕВ,
доктор филологических наук*

Встречи в Петербурге

Рассказ

Долгожданная пятница затянулась. На часы Алексей уже не смотрел, понимая, что договоренность с женой уехать вечером на дачу становится невыполнимой. Маленькие и большие дела, словно снежный ком накатывались на него, он пытался их быстрее решить, но они обрастали новыми делами. В десятом часу вечера Алексей вышел из душного кабинета управляющего, который, уходя в отпуск, давал наставления каждому начальнику управления, причем наставления были столь подробны, что создавалось жуткое впечатление, будто управляющий уходил не в отпуск, а улетал на Марс. Получив свою порцию наставлений и спускаясь по широкой лестнице, Алексей решил: на сегодня хватит, пора домой, если он сейчас зайдет в управление, то опять придется решать бесконечные проблемы с бетоном, кранами, машинами.

На улице было светло, солнце еще не зашло и горизонт горел розовым светом. Белые ночи обняли город. Подходя к автобусной остановке, Алексей подумал: «Господи, хоть бы раз взять отпуск во время белых ночей и ощутить волшебство этой поры. Побродить по городу с Машей, увидеть, как поднимаются крылья мостов над Невой, как живет город, река, небо, и приходит радость и восторг. Как славно прока-

титься с Машей на катере, пройтись по Невскому проспекту...»

– Мечты, мечты, где ваша сладость? – вслух проговорил он и сам испугался звука своего голоса. Посмотрел по сторонам, но рядом никого не было.

«От такого дня и не так заговоришь», – подумал он.

Маша открыла дверь, он молча развел руками, мол, припозднился. Она также, молча, покачала головой. По давно заведенному порядку Алексей быстро переоделся в домашнее и пошел принимать душ. Выйдя из ванной, на кухне он остался один. Маша помогала дочке с домашним заданием, которое учитель задал на воскресенье. Задавали много, и задания иногда были такими, что человек с высшим образованием вставал в тупик.

Алексей смотрел в окно, а мыслями был еще там, на работе. Сейчас заканчивалась вторая смена, как там идет бетон? Плиту основания нужно забетонировать разом, как говорится, в один удар. Только бы завод не подвел, у него вечно поломки. Чуть попозже надо бы позвонить, справиться, как работа. Тут же набежали другие мысли.

Жаль, что не уехали с Машей на дачу, такая прелесть на улице: тепло, светло, а воздух, ну, разве в городе может быть чистый воздух? Зазвонил телефон.

– Леша, в такое время только тебя, возьми трубку, – услышал он голос жены.

Ну, конечно, наверное, поставку бетона прекратили!

– Да, слушаю.

– Здравствуй, Алексей, – прозвучал незнакомый голос. –
Здравствуйте, – медленно и холодно протянул Алексей.

Маша подошла к нему.

– Кто там? – спросила она. Алексей пожал плечами.

– Ну что, не узнаешь, Алексей Федорович? – продолжился разговор.

– Пока нет.

– Что ж удивительного, давно не слышали друг друга. Это Коля Стрельцов.

– Кто?!

– Не кричи, Машу разбудишь.

– Уже разбудил, она рядом стоит. Откуда ты?

– Пролетая мимо вашего славного города, решил приземлиться и позвонить.

– Где ты находишься?

– На аэродроме, военном.

Коля Стрельцов, друг, товарищ отроческой поры, что плавно перешла в юность. В пятнадцатилетнем возрасте они вместе поступили учиться в строительный техникум, окончили его. Потом их пути разошлись, Алексей с Машей пошли на стройку, осели в Петербурге, а Коля осуществил заветную мечту: окончил факультет журналистики, распределился в Екатеринбург, работал в газете.

– Да что же ты там делаешь?

– Командировка. Пишу о наших славных летчиках.

- Ты свободен?
- До послезавтрашнего утра.
- Так в чем же дело, приезжай, мы ждем.
- Тут оказия нужна, автобусы в город не ходят.
- Ну, сообразите там, вы ж не бестолковые...
- Что-что, а сообразить уже успели, на это ума хватило.
- Коля, приезжай или прилетай, адрес у тебя есть? Тогда ждем.

Через час они втроем сидели за столом и вспоминали о прошлом, перебивая друг друга, рассказывали о настоящем.

- Так ты до сих пор не женился? – спросила Маша.
- Было, да не срослось. Не получилось.

Маша понимающе закивала головой, но пытаться Николая, почему не срослось, не стала, только предложила:

- Может, мы тебе здесь невесту присмотрим?
- Нет уж, это я сам должен присмотреть. И не беспокойся, какие наши годы!

И вновь посыпались вопросы о жизни и работе, о старых друзьях и товарищах. Около двух ночи Маша пресекла мужское застолье:

- Ребята, пора ко сну: а то уже утро стучится в окно; правда, сейчас это трудно заметить, белые ночи в нашем городе путают любое время суток.
- Завтрашний день у тебя свободен? – спросил Алексей.
- Сегодняшний, – поправила Маша.
- Свободен, – ответил Коля. – Я никогда толком не видел

Питера, все на бегу, может, покажете?

Алексей с Машей переглянулись, Коля заметил это.

– Если у вас свои планы, я могу один.

– Конечно, так и бросим тебя. Спать! Утро вечера мудренее, – скомандовала Маша.

Утром Маша с дочками собралась на дачу, сделать неотложные дела. А Алексей с Колей отправились на экскурсию по городу.

– Алеша, возьмите у Мойки обзорную поездку по городу. Это как раз то, что нужно, – напутствовала их Маша.

Дорога до Мойки заняла полтора часа. В субботу у транспорта интервалы были больше, чем в обычные дни, да кто их придерживается, интервалов. Так и набежало, на трамвайной остановке постояли, потом на автобусной, хорошо еще электропоезда в метро шли по графику.

Автобусов на обзорную не было, последний из них хвост показал. На вопрос, когда следующий, получили ответ: группа наберется, будет и автобус. Пока с обзорной выясняли, им предложили пеший маршрут по Невскому.

«– Давай пройдемся, никогда не ходил по Невскому», – сказал Коля.

– Ну, чего ты, мы и так, без всякой экскурсии можем по нему пройтись.

– Пройтись-то можно, но послушать хочется, что к чему: чем дома знамениты, кто там жил, с какими событиями связаны.

И тут они узнали, что темой экскурсии будет не сам Невский проспект, а творчество архитектора Карла Росси.

– Может, все-таки обзорную подождем? – засомневался Алексей.

Но Коля уже ничего не хотел слушать, он стоял около молодой женщины, которая собирала группу. Алексей почему-то сразу понял, что Колю отсюда не увести, уж больно ему экскурсовод понравилась, это было трудно не заметить.

Молодая женщина была хороша собой. Свежее живое лицо с блестящими черными глазами и удивительно доброй улыбкой, волнистые, светло-каштановые волосы, чуть короче плеч. Стройная фигура, белоснежная кофточка и серые брюки – простой, но элегантный наряд. Взгляд любого мужчины останавливался на груди, кофточка аккуратно обтягивала два круглых бугорка, похожих на мячики.

– Девушка, вы будете нашим экскурсоводом? – спросил Коля.

– Да, – с улыбкой ответила та, видимо, уже привыкшая к подобным вопросам.

– Извините, а как ваше имя?

– Елизавета Алексеевна.

– Можно, я буду звать вас Лизой?

Она улыбнулась Коле, но ничего не сказала. «Сельская непосредственность», – подумал про себя Алексей и тоже улыбнулся. Наконец собралась группа человек десять, и перед тем, как отправиться на экскурсию, Лиза обратилась ко

всем:

– Дорогие друзья! Главная улица Санкт-Петербурга – Невский проспект, куда мы с вами сейчас и направляемся. Начинаясь от Адмиралтейства, проспект заканчивается у Александро-Невской лавры, которой и обязан своим названием. Лавра была основана Петром Первым в память о победе над шведами, одержанной новгородским князем Александром Ярославичем и получивший за эту победу прозвище «Невский». Церковь причислила князя к лику святых. Александр Невский издавна считался небесным покровителем нашего города.

В первые годы строительства Петербурга Невский проспект был просекой, которая соединяла Адмиралтейство с Александро-Невской лаврой и называлась дорогой к Невскому монастырю, потом она не раз меняла свое имя, и самым известным из старинных названий было – Невская перишкетива. А Невским проспектом ее стали называть только в 1781 году.

Медленно двигаясь, они вышли на Невский проспект, и Лиза сказала:

– Вот он! – И, помолчав, словно для того, чтобы экскурсанты насладились видом кипевшей людьми и машинами улицы, продолжила:

– Наверное, все читали «Невский проспект» Гоголя. Начинается он такими словами: «Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере, в Петербурге; для него он со-

ставляет все...»

Видно было, что Лиза очень любит свой город и гордится им, столько восторженного чувства было в ее голосе, когда она произносила эти слова.

– Здесь жили самые богатые и знаменитые петербуржцы. Здесь строились прекрасные дворцы, дома и церкви, великолепный Гостиный двор, Казанский собор, Дом книги. На протяжении трех столетий Невский проспект не переставал развиваться и застраиваться.

Сегодняшняя тема нашей экскурсии – Карл Иванович Росси, его архитектурные творения. Пройдемте немного вперед, на Дворцовой площади я начну рассказывать об этом.

Дойдя до площади и подождав отставших, Лиза, обведя рукой все вокруг, начала говорить:

– Дворцовая площадь. Ее масштабы поражают воображение даже сегодня. Однако величественный ансамбль, которым любуются нынче, сложился не сразу. В первые десятилетия Петербурга, здесь, на Адмиралтейском лугу, пасли коров. О двухэтажных дворцах того времени помнят только историки архитектуры. Самое старое здание на площади – Зимний дворец. И по счету он пятый! На том месте, где он находится, архитектор Растрелли начал строить четвертый царский дворец для Анны Иоанновны, которая сочла предыдущий – скучным. Тот же Франческо Бартоломео Растрелли строил и пятый дворец, который считается бесспорным

шедевром пышного елизаветинского барокко. Стены его покрыты огромным количеством лепных украшений, затейливых наличников, полуколонн и колонн. На кровле расположились вазы и скульптуры античных богов. Елизавета Петровна не успела насладиться новым дворцом, и по-настоящему обживала его Екатерина II. Зимний дворец для постоянно увеличивающегося собрания предметов искусства был расширен. По ее приказу ко дворцу пристроили Малый Эрмитаж, а затем и Большой и Малый Эрмитажный театр. Эрмитаж – один из величайших художественных музеев мира. Екатерина II заложила основу коллекции, закупая огромные собрания в Италии и Англии, Германии и Франции. Сегодняшний музей – это миллионы экспонатов и сотни шедевров высочайшего уровня!

Однако до начала XIX века площадь оставалась неоформленной. Хаотичная застройка вдоль берега Мойки совершенно не соответствовала величелию дворца. Много раз площадь пытались привести в порядок, пока наконец царским указом не был создан специальный отдел при строительной комиссии города: «По устройению против Зимнего дворца правильной площади». Задача была сложная, требовалось не только создать главную парадную площадь, но и административный центр столицы, сосредоточив вокруг Зимнего дворца важнейшие правительственные учреждения: Военное министерство, Министерство внутренних дел и Министерство финансов. Таким образом, напротив дворца

появилось великолепное здание Главного штаба, фасад которого представляет собой гигантскую 580-метровую дугу, представляющую из себя два полукруглых корпуса, объединенных в центре триумфальной аркой. Так появился неповторимый ансамбль Дворцовой площади, созданный гением архитектора Карла Ивановича Росси.

Тут Лиза стала рассказывать, как юный Карл Росси в одиннадцатилетнем возрасте приехал в Петербург из Италии со своей матерью и отчимом, приглашенными «первыми танцовщиками» и нашедшими здесь свою вторую родину. Как воспитывался в мастерского архитектора Бренна.

Алексей подошёл к Коле, похлопал по плечу.

– Ну, чего тебе, Леша, говори быстрее.

– Коль, может, хватит слушать лекцию? Покатаемся на катере по Неве.

– Нет, нет, нет! «Такого чудесного рассказа я давно не слышал», – сказал Коля. – Дапусти ты меня, дай подойти поближе, плохо слышно.

Алексей понял, что, Коля от Елизаветы Алексеевны никуда не уйдет. Почесав затылок, он стоял в стороне, рассматривая прелести самой красивой площади города. Сколько раз он бывал здесь? Много. Правда, все больше с гостями. Одному не приходилось просто так прийти сюда, постоять, посмотреть, впитать в себя все чудо великолепного ансамбля.

– Уникальность арки Главного штаба в том, – вещала Лиза, – что состоит она из трех связанных между собой арок.

Эта арка стала символом воинской славы России. Обратите внимание на фигуры часовых в античных доспехах, на орнаменты из воинских трофеев, на римскую колесницу с крылатой богиней Славы, венчающую архитектурное сооружение на 36-метровой высоте.

Когда здание Главного штаба было построено, император Николай I задумал поставить в центре Дворцовой площади памятник Петру, но Росси убедил его отказаться от этой идеи. Памятник на огромной площади, среди монументальных строений «утонул» бы, а вместо этого площадь украсилась величавой Александрийской колонной, которую часто именуют Александрийским столпом – памятником в честь победы в Отечественной войне 1812 года. Эту колонну воздвиг французский архитектор Огюст Монферран, создатель Исаакиевского собора, мимо него мы пойдем на площадь Декабристов, бывшую Сенатскую, в ансамбле которой Карл Росси также сыграл немаловажную роль. Там мы увидим здания Сената и Синода, последние крупные произведения Росси.

По дороге на Исаакиевскую площадь и дальше Коля полностью завладел вниманием Лизы, оттеснив остальных экскурсантов, которые пытались задавать вопросы. Оба они ушли вперед, ведя беседу. Алексей посматривал за ними, слышал его голос и ее смех. Наконец Лиза словно очнулась и, увидев, что группа растянулась в длинную цепочку, укоризненно посмотрела на Колю, а тот виновато прижал руку к

груди. Лиза помахала своей белой шляпкой, собирая группу, и занялась рассказом о площади Декабристов.

Но Коля не сдавался, задавал вопросы, и она отвечала и отвечала ему одному.

Следующей остановкой была площадь искусств с великокняжеским Михайловским дворцом, где впоследствии расположен Русский музей. Дворец построил Карл Росси, а после этого спроектировал и площадь, которая называлась в то время Михайловской.

Алексей перестал бороться с Колей, а тот не отходил от Лизы. Было смешно смотреть, как он то справа, то слева пытался прикоснуться к ее руке, она вздрагивала от таких прикосновений и уже жалобно смотрела на Николая, только взглядом прося не мешать ей работать.

Потом экскурсия прошла к площади Островского с памятником Екатерины Великой, с Александринским театром и новым корпусом Публичной библиотеки. Еще один превосходный ансамбль архитектора Росси. А закончила Лиза свой рассказ на улице Зодчего Росси, бывшей Театральной. Эта улица, позади театра, вместе с маленькой площадью, на которую она выходит, тоже включена в «театральный» ансамбль Росси. По обе ее стороны два дома, выкрашенных в расхожий цвет классицизма, желтый. Ряды аркад и колонн этих домов, словно зеркальное отражение друг друга. Эту улицу называют самой пропорциональной улицей города. Ширина улицы и высота домов одинаковы – 22 метра,

а длина улицы в 10 раз больше, 220 метров.

Алексей загляделся на удивительную композицию улицы, он слышал голос Лизы, но слова не воспринимал, так был поражен четким ритмом, динамикой, рельефной пластикой – гармонией сооружений.

Свой долгий рассказ о Карле Ивановиче Росси и его выдающихся сооружениях Лиза закончила словами Белинского, что тот, кто хочет видеть Петербург «как великолепный и прекрасный город, столицу России и один из важнейших в мире портовых городов, тому, разумеется, достаточно только взглянуть на Александринский театр, который с его прелестным сквером впереди, садом и Аничкиным дворцом с одной стороны и Публичной библиотекой с другой составили одно из замечательных украшений Невского проспекта...»

В ногах чувствовалась усталость, но от красоты увиденного в голове было светло и ясно. Лиза прощалась с экскурсантами. Алексей сидел на скамейке, наблюдая за Колей. Тот дождался, когда все отошли, и заговорил с ней. Она улыбалась, но что отвечала, Алексей не слышал. Затем, посмотрев на часы, кивнула ему и быстрыми шагами пошла к Невскому проспекту. Коля остался один, повесив голову, подошел к Алексею.

– Ну, что, Коля, не удалось познакомиться поближе?

– Кажется, не удалось, – друг вздохнул.

– Бывает.

– Еще не вечер.

– Наверняка кто-нибудь уже вскружил ей голову.

– Да уж, – Коля присел рядом на лавочку. – Таких мастеров много.

После минутного молчания он уже с улыбкой спросил Алексея:

– Ну, какие наши дальнейшие планы?

– Может, автобусная экскурсия по городу?

– Нет уж, экскурсий хватит, я бы пообедал.

– Хорошо, поедем на Комсомольскую площадь, там кафе, где можно хорошо поесть и выпить отличного пива.

– Поехали. Всю дорогу Коля вспоминал Лизу.

– Какая девушка, красавица, правда ведь красивая, а? И умница.

– Да, Коля, красивая, но она не в моем вкусе.

– А мне она понравилась.

– Стрелой, прямо в сердце.

– Да, стрелой, и нечего смеяться. Слушай, а может, еще раз сегодня пойти на экскурсию.

– Коля, это без меня.

– Ну, ладно.

В кафе было много народа, помещение хоть и называлось кафе, но скорее всего походило на пивной бар, да и люди в основном приходили сюда ради пива. Найдя в уголке два места, Алексей с Колей сделали заказ. Пиво принесли сразу, мясное попросили подождать. Когда выпили по бокалу и на душе стало теплее, Коля, глядя в окно, спросил.

– А что это такое, завод?

– Это корпуса Кировского завода.

– Так это что, бывший Путиловский? Тот самый, старинный? Сколько же ему годков?

– С тех пор, как его Путилов построил, много воды утекло.

– Значит, его Путилов построил? – Ну, а кто еще, поэтому и Путиловским назвали.

Пожилой мужчина, сидевший рядом с ними, внимательно посмотрел на Алексея и сказал:

– Извините меня, молодой человек, что невольно подслушал ваш разговор, но должен заметить, что Николай Иванович Путилов никогда ничего здесь не строил. Двенадцать лет был собственником завода, а построили задолго до него.

– Как это до него? – вспыхнул Алексей.

– Да так вот.

Алексей уставился на мужчину, тот тоже смотрел на него. Он был стар, лицо приятное, абсолютно седой, лицо чисто выбрито, очки в роговой оправе с толстыми выпуклыми стеклами. Кадык выглядывал из застегнутой на верхнюю пуговицу не новой, но чистой рубашки. На безымянном пальце правой руки надето тонкое золотое кольцо. Алексею, давно работающему с людьми, было понятно: перед ним сидит не какой-то забулдыга, но и не инженер, так как руки – рабочие, пальцы узловатые, видно было, много работал физически.

– И вы извините меня, – Алексей остановился, мужчина, чуть наклонив голову, внимательно слушал его. – Двена-

дцать лет очень мало, – продолжил Алексей, – чтоб такую память о себе оставить, ведь ее даже за годы Советской власти стереть не удалось, и, насколько мне известно, перед революцией заводом управлял тоже Путилов, кто-то из династии.

Старик улыбнулся.

– Правильно. Перед революцией Алексей Иванович Путилов был председателем правления общества Путиловских заводов, но его туда определили банки, чьей собственностью уже были заводы. Ну, а родство, сейчас бы сказали, десятая вода на киселе. Он был внучатым племянником Николая Ивановича Путилова.

Все замолчали. Через минуту незнакомец засобирался.

– Ну, ладно, мне уже пора. А завод на этом месте построил иностранец, Карл Гаскойн, но это длинная история.

Старик ушел, официантка принесла мясо, Алексей и Николай молча допивали пиво.

– Какой иностранец мог построить здесь завод, кто бы ему разрешил, – в раздумье протянул Алексей.

– Тогда это было в порядке вещей.

– А что же мы не спросили у этого старика, кто он такой? Уж очень осведомленный. Не похоже, чтобы из интеллигентов.

– А, по-моему, как раз похоже. Но меня, Леша, сейчас другое занимает. Хочешь, я тебе скажу, чего надумал.

– Уже догадываюсь.

– Не могу ничего с собой поделывать, хочу повидаться с Лизой. Экскурсии у нее до восьми. Поеду-ка...

– Коля, а вдруг у нее муж, семья?

– Мужа нет, это я уже знаю.

– Ну, давай, герой, дерзай, а я поеду домой. Прошу тебя, не теряйся, вечером позвони. Мы тебя будем ждать.

Они вышли из кафе, пожали друг другу руки, и, уже прощаясь, Алексей сказал:

– Коля, мне все-таки не дает покоя разговор с женщиной.

– Да успокойся ты, это что, так важно, кто был хозяином завода?

– Не знаю, важно или не важно. Ты же в курсе, что я не один год работал на реконструкции и строительстве новых цехов завода. Не знать историю стыдно.

– Вот и узнай, а я пошел.

– Обещаю, Коля, к твоему следующему приезду узнать все об истории создания завода.

– Хорошо, узнай, а узнаешь – напиши мне.

Они еще раз пожали руки, и каждый пошел в свою сторону. А вечером, часов в одиннадцать, Николай позвонил Алексею и сказал, что они с Лизой гуляют по ночному городу, любят белыми ночами и хотят дождаться разведения мостов. Что ничего прекраснее Петербурга белых ночей он не видел, хотя и объездил много городов, и никого обаятельнее необыкновенной девушки Лизы, он не встречал. Ночевать он не придет, потому что это невозможно, ведь на аэро-

дроме ему нужно быть в половину седьмого утра. Просил за него не беспокоиться, благодарил за гостеприимство и передавал огромный привет Маше и дочкам.

Письмо Алексея к Николаю

Дорогой Коля!

Наша встреча с тобой в Петербурге получилась какой-то сумбурной и неорганизованной. И хотя у нас было очень мало времени, мы могли бы распорядиться им более разумно. Но это я так, к слову.

Как-то даже неловко называть тебя «Коля» – ты уже мужчина взрослый, солидный, много добившийся в жизни. Однако, такое панибратство с моей стороны вполне простительно – думая о тебе, я вспоминаю не взрослого дядьку, а юного белобрысого парнишку, который страстно мечтал о журналистике, и любимой его песней была знаменитая «Трое суток шагать, трое суток не спать, ради нескольких строчек в газете...» Парнишка этот осуществил свою мечту, из него вышел толковый журналист и редактор – профессия романтическая и творческая.

Покидая наш славный город, ты обещал нам с Машей отныне регулярно посещать Питер, вероятно, имея в виду некую красавицу-экскурсовода, похитившую

твое сердце... Не получилось. Все твои обещания на деле остались пустым звуком. Не обижайся за нотацию, Коля, говорю это любя. Я соскучился по тебе. Дозвониться до тебя невозможно, я несколько раз пробовал, ничего не получилось. Честно говоря, я не очень люблю телефоны, всякие там эсэмэски, скайпы, шмайпы, и прочие чудеса техники. Я предпочитаю разговаривать с человеком, глядя ему в глаза. И письма люблю в конверте, написанные авторучкой, как то, что ты сейчас читаешь. Понимаю, что все эти привычки – каменный век, и мой шестилетний внук справляется с компьютером значительно ловчее меня, но что поделаешь?

Помнишь кафешку на Комсомольской площади, где я просвещал тебя по истории Путиловского завода? И того пожилого дяденьку, который поставил меня на место? До сих пор неловко. Это был один из тех многочисленных уроков, которые сопровождают человека всю жизнь, и наше дело – хорошенько усвоить их.

Собственно, ничего зазорного в том, что я был знаком с историей Путиловского завода весьма поверхностно, нет. Человек не может все знать. Но дело осложнялось тем, что речь то шла о моем родном заводе, который я строил и реконструировал в течении многих лет! Вот это было непростительно. Такой вывод я сделал, такой приговор себе вынес.

Этот пробел нужно было ликвидировать, и как можно быстрее. Первое, что я сделал – отправился в

музей Кировско-Путиловского завода, где почерпнул первые, основные сведения. Хочу поделиться ими с тобой. Ты журналист, возможно, тебя все это заинтересует, и я не зря сотрясаю воздух. Заинтересует – пользуйся, дарю тебе эту информацию. Да и сам я покрепче запомню все, что узнал в процессе самообучения. Итак...

Завод был основан по Указу Императора Павла I от 28 февраля 1801 года. В этом документе повелевалось перенести Кронштадский чугунолитейный завод в Санкт-Петербург. Кому именно повелевал, и почему завод оказался в теперешнем месте, а не в другом, я долго не мог узнать. И все-таки узнал, кто был подлинным основателем Кировско-Путиловского завода, и не только его. Помнишь, как я спорил в кафе, утверждая, что первым директором завода был Путилов, и никто другой? Мой оппонент оказался прав. Первым директором и основателем завода был Карл Карлович Гаскойн. Его жизнь – приключенческий роман. Он родился в семье капитана британской армии, получил блестящее инженерное образование. Был одним из ведущих промышленников Великобритании, возглавив металлургический завод Кэррон в Шотландии, на котором выпускались самые совершенные по тому времени пушки. По заказу российского правительства Гаскойн начал поставку для российского флота большой партии орудий нового типа, а также паровых машин и современных станков. Все это было расценено бдительным английским

правительством как утечка технической информации и разглашение государственной тайны.

Избегая судебного преследования, Карл Карлович покинул Англию, по теперешним понятиям – бежал, и по рекомендации адмирала С. Грейга был приглашен в Россию. С. Грейг – еще один человек, сделавший невероятно много для России. Герой Чесмы и Готланда, он был выходцем из Шотландии. 14 лет служил на английском флоте, где получил хорошую морскую практику, побывал более чем в 20 портах Европы и Северной Африки, в период Семилетней войны прошел закалку в морских боях. Русский посол в Англии граф Воронцов, вербовавший британских офицеров на русскую службу, склонил 29-летнего лейтенанта английского флота связать свою дальнейшую судьбу с Россией, и с разрешения короля Георга III Грейг перешел на русскую службу капитаном 1-го ранга. В русском флоте он был записан как «Самуил Грейг», хотя сам он подписывался в русских документах «Самуель Грейк». Командовал кораблем «Св. Дмитрий Ростовский» в эскадре адмирала А. И. Полянского, фрегатом «Св. Сергей», вновь построенным кораблем «Три Иерарха». Он оснащал суда по-своему, сделав их образцом для последующих кораблей и фрегатов. На основе его предложений были разработаны и введены новые правила парусного вооружения русских кораблей. Грейг был участником первой архипелагской эскадры адмирала Г. А. Спиридова, которая направилась на

запад, в первый дальний поход русского флота. Грейг, произведенный в капитаны бригадирского ранга, шел командиром «Трех Иерархов» и привел к цели отряд отставших кораблей, задержавшихся в Англии на ремонте. Спиридов отправил к Ливорно отряд под командованием Грейга, в который вошел корабль «Три Иерарха», фрегат «Надежда благополучия», и пакетбот «Почталион». В Ливорно ждал назначенный командующим флотом А. Г. Орлов. Орлову понравился молодой офицер, и он сделал его своим советником.

Неудачи на суше и сведения о появлении крупного турецкого флота вынудили русское командование оставить занятый Наварин. Орлов решил найти и истребить неприятельский флот, чтобы блокировать Дарданеллы. Грейг, посланный в разведку, обнаружил неприятеля: турецкая эскадра состояла из 16 линейных кораблей, 6 фрегатов, 60 меньших и вспомогательных судов, которые командующий турецкой эскадрой Гассан Гази-бей построил в Хиосском проливе двумя линиями, примкнув левым флангом к островку, а правым к отмели у Чесмы. Русские располагали только 9 линейными и 1 бомбардирским кораблями, не считая более мелких судов. Против 300 русских пушек турки имели 700. Несмотря на превосходство противника, А. Г. Орлов решил атаковать. Он собрал на флагманском корабле Спиридова, Эльфинстона и Грейга на совет. Решение их вылилось в диспозицию, подготовленную С. К. Грейгом. Корабли должны были двигаться кильватерной колонной с дистанцией не более 90

метров, сблизаться с противником до пистолетного выстрела и проходить вдоль турецкой линии, стреляя в нее из орудий в упор. При легком ветре эскадра выстроилась в боевую линию и пошла на противника. Корабль Грейга с графом Орловым располагался в центре. Он встал на якорь вблизи неприятеля и открыл огонь по 100-пушечному кораблю капудан-паши из орудий, ружей, и даже пистолетов. Под сокрушительным огнем турки в панике хотели бежать и обрубив якорный канат, но забыли шпринг, и флагман «Три Иерарха» расстреливал четверть часа продольным огнем, развернувшийся кормой турецкий корабль.

«Евстафий» в жестоком бою зажег и взял на abordаж неприятельский флагман «Реал-Мустафа», но взорвался от головни, попавшей в кюйт-камеру, за ним взлетел на воздух и «Реал-Мустафа». Горящие обломки осыпали соседние корабли. Немало усилий пришлось приложить Грейгу, чтобы спасти флагманский корабль от пламени. Посланные с «Трех Иерархов» шлюпки поднимали из воды моряков, уцелевших после гибели «Евстафия».

Вскоре после двух взрывов турецкие корабли, обрубив якорные канаты, под парусами устремились в Чесменскую бухту и сгрудились в ее глубине. Военный совет флагманов и командиров принял решение уничтожить турецкий флот с помощью брандеров и артиллерий. В брандеры переоборудовались четыре греческих торговых судна. Командовать операцией предстояло контр-адмиралу

Грейгу. В его распоряжение передали, кроме брандеров, корабли «Ростислав», «Европа», «Не тронь меня», «Саратов», фрегаты «Надежда благополучия», «Африка» и бомбардирский корабль «Гром», который должен был довершить разгром пылающего неприятельского флота. После полуночи русские корабли начали обстрел и подожгли один из неприятельских кораблей. Теперь и речи не могло быть о внезапности. Однако именно после первого пожара на турецком корабле Грейг приказал брандерам идти в атаку на вражеский флот. Видимо, контр-адмирал намеревался все же полностью выполнить принятый план; кроме того, не исключено, что он хотел уменьшить таким образом расход снарядов, запас которых можно было пополнять лишь из далекой России.

Граф Орлов, ходатайствуя после Чесменской битвы о награждении отличившихся, выделил «особливо сего искусного и неутомимого человека» – С. Грейга.

Екатерина II удостоила Грейга высокой награды – ордена святого Георгия 2-й степени. Самуилу Карловичу было пожаловано русское дворянство, для кавалера военного ордена оно распространялось и на его потомков.

Дворянский герб Грейга венчала поднятая рука в латах, держащая меч, а обрамляла лента с надписью: «Рази верно».

Извини, Коля, что отвлекаюсь от главной темы, но столько нового для меня обнаружилось, когда

я искал материалы о первом директоре нынешнего Кировского завода! Сколько поразительных жизненных судеб, сколько выдающихся людей!

Итак, Карл Гаскойн. Он привез в Россию необходимое оборудование и знающих мастеров. Довольно быстро создал лучший пушечный завод в России, названный Александровским, переоборудовал Кончезерский завод. По его чертежам были построены доменные печи с цилиндрическими воздуходувками. Впервые в России он построил «вагранок» или малую поворотную печь, ввел новые технологические процессы литья.

Инженерная мысль Карла Карловича и организаторские способности не знали предела. Это он на Воицком руднике построил первую в России паровую машину, которая положила начало технической революции на российских заводах.

В конце восемнадцатого века Карл Гаскойн строит чугунолитейный завод в Кронштадте. Небольшой завод с единственной плавильной печью. Все рабочие были выписаны из Петрозаводска.

В начале девятнадцатого столетия из-за угрозы войны с Англией встал вопрос: в целях безопасности перевести Кронштадтский завод в Санкт-Петербург. Карлу Гаскойну было предложено найти для этого в Петербурге подходящую казенную землю. Историки до сих пор гадают: почему, не найдя другой площади для строительства завода, он решает использовать площадь, на которой стоит его собственная дача? Может, само

дачное место надоело, а купить его никто не хотел, может, искать землю под завод не хотелось, а может, существовали другие резоны – кто знает?

Николай, стараюсь писать тебе подробнее, потому что все это очень интересно и для меня самого является настоящим открытием.

Так что же за земли находились вдоль дороги, ведущей от Санкт-Петербурга до Поповой Мызы, как первоначально назывался Петергоф? И что за дорога соединяла два населенных пункта?

Во времена Петра I Петергофской дороге предшествовали две шведские: главная, что проходила по трассе нынешнего Таллиннского шоссе и вела через теперешний проспект Маршала Жукова, проспект Стачек, Автобусную улицу, выходя к Неве близ устья Охты, где располагалась крепость Ниеншанц, и второстепенная приморская, что начиналась от Фонтанки простым проселком, петляла между деревнями и заливом, и упиралась в Стрельну.

Зарождение блестящего Петергофа стало первым шагом к основанию шесть лет спустя столь же великолепной «гирлянды» усадеб и резиденций по Петергофской дороге.

Петергофская дорога – сорокакилометровая система усадеб, дворцов, садов и парков, равной которой, возможно, не было в мире.

Дачи вдоль дороги славились великолепием архитектуры и роскошью садов. В числе их владельцев и арендаторов были представители высшего столичного

общества; государственные деятели, дипломаты, крупные чиновники, полководцы и флотоводцы, банкиры и аристократы. При этом наряду с обращенными к дороге ансамблями усадеб, в имениях существовало свое хозяйство – фермы, плодовые сады, оранжереи, постоянные дворы, кабачки. Некоторые дачи включали деревни – и пейзаж дополняли крестьянские поля и луга,

Петр заставлял своих подданных использовать при устройстве дач достижения европейской архитектуры и искусства парко-строения, одновременно создавая парадный морской «фасад».

В те времена любой путник, прибывающий в Петербург морем, высаживался на острове Котлин, затем отплывал на баркасе в Ораниенбаум и следовал в столицу по набережной. Новая столица была отрезана мелями от моря. Первое впечатление от страны формировалось именно здесь, на Петергофской дороге.

Вот один из восторженных отзывов современника той поры.

«...Берег от Петербурга до Ораниенбаума представляет оживленную картину. На сем пространстве почти на каждой версте встречаются дворцы, мызы и прекрасные фигурные домики, окруженные садами, рощами, и можно сказать, искусственными полями и лугами. Кто бы поведал за 'сто лет перед сим, чтобы сия бесплодная земля могла принять нынешний ее вид. Но Богу угодно было даровать России ряд великих Государей и

всемогущей их воле уступила природа: печальная пустыня обратилась в богатую населенную страну, болота образовали светлые водоемы, мрачные леса – увеселительные рощи. На сыпучем месте явились луга и нивы, искусство подало руку трудолюбию...»

Такое великолепие было уже при жизни Петра Великого, когда Петергофская дорога украшалась дворцами и парками. Карл Гаскойн прибыл в Россию намного позднее, а завод переводил из Кронштадта по Указу Императора Павла I почти через сто лет после рождения города. Но и тогда дачные места вдоль дороги, где проезжал император и члены его семьи, пользовались колоссальной популярностью. Многие хотели купить их. На каждое освободившееся место просьбы подавались лично Царскому Величеству.

Моя дочь Наташа выдвинула версию, что Гаскойн выгодно эту землю продал. Я не нашел сведений о продаже, но если и продал, то с государства, так же, как и сейчас, много денег не возьмешь. Однако о теперешних временах говорить не будем. На дачах в шесть соток заводов не поставишь. У чиновников бывают площади и побольше, но ни один из них, сколько бы он ни клялся в любви к отечеству, не сделает такой глупости. Но как бы то ни было, в конце марта 1801 года на седьмой версте от центра столицы Российской Империи начал действовать завод, который был назван «Санкт-Петербургским казенным чугунолитейным». И еще несколько слов о Карле Карловиче, о его честности и порядочности как

предпринимателя.

История хранит записки департамента Морского министерства Императору Александру Первому о проверке дел на заводах, которыми руководил Карл Карлович Гаскойн (он стоял во главе Олонецких, Луганского, Кронштадского, Санкт-Петербургского и Ижорского заводов).

По существу в акте говорится: «...Рассмотрев дела по г-ну Действительному Статскому Советнику Гаскойну, нет ли в экономической части какого замешательства или упущения, честь имею известить Вас, милостивый Государь, что не только по всем вверенным ему делам, нет ни малейшего замешательства по экономической части, ни упущения, но что заводы искусством его по внутреннему обороту производств в отливке орудия доведены до возможного совершенства. Сему доказательством служит то, что не взирая на повышающуюся дороговизну, отливные орудия и снаряды напротив год от года становятся дешевле. Из прибыли от уменьшения контрактных цен половина части остается в пользу казны. От доведения через искусство его и опытностью смешения руд в наилучшей пропорции происходит то, что все отлитые орудия по просьбе оказываются годны. От изобретения машин, служащих чрезвычайному облегчению трудов мастеровых, и к ускорению через то самих производств заводы поставлены на такую ногу, что они доселе всегда удовлетворяли и впредь могут удовлетворять всем государственным надобностям, точным выполнением и

в свое время данных им нарядов. Сверх этого заведены им разные полезные мастерства и отливаются на полную продажу многие необходимые для хозяйственного потребления вещи, половина прибыли от сих вещей принадлежит казне...»

Разве этот документ похож на акт проверки? На мой взгляд, он больше похож на наградной лист.

После смерти Карла Карловича Гаскойна завод оставался в ведении государства и управляли им достойные люди. С именами Адама Васильевича Армстронга, Александра Андреевича Фуллона, Матвея Егоровича Кларка связано много добрых дел для России.

И не только пушки, снаряды, паровые машины, но и строительство многих архитектурных ансамблей в Санкт-Петербурге и его пригородах: Александрии, Царском Селе, Павловске. Выдающиеся архитекторы К. Росси, В. Стасов, А. Менелас успешно сотрудничали с инженерами завода. Однако ноябрьское наводнение 1824 года нанесло непоправимый ущерб заводу и указом Александра I строится новый Санкт-Петербургский литейный завод, названный впоследствии Александровским, а старый становится его филиалом.

В августе 1848 года старый завод был пожалован за долголетнюю службу Императором Николаем I Николаю Александровичу Огареву.

Главной заботой Огарева, получившего от Императора начавший приходить в упадок завод, стало

приведение его в порядок.

Как свидетельствуют документы тех лет, «... заводская местность в этот период занимала около двадцати десятин и состояла из четырех частей, разделенных водами. Одну из них занимала дача самого Огарева и дом управляющего заводом. Вторую часть занимали здания завода, большей частью каменные, часовня, здесь же находились все помещения для мастеровых и рабочих, еще одна часть завода была занята баней, прачечной, складами, и оставшаяся часть была под лугами и огородами.

Для рабочих была построена казарма на 500 человек, остальные жили вблизи завода по деревням. Имелась больница на 12 коек и аптека».

Сам Николай Александрович практически заводом не занимался, служа то адъютантом у Великого князя Михаила Павловича, то занимаясь обороной и вооружением Выборгской крепости и Киева, то исполняя обязанности нижегородского генерал-губернатора. Однако связи в военном ведомстве делали свое дело. Завод выполнял важные государственные заказы: чугунные ядра, бомбы, снаряды для нарезных пушек, нижние крепления и блоки для шпиля Петропавловской крепости, железные стропила и блоки локомотивных депо Николаевской и Варшавской железных дорог, были отлиты части мостов через реки Лугу и Великая, Обводный канал и Славянку.

Но все же хорошее когда-то заканчивается. С 1856 года дела на заводе стали резко ухудшаться, Огарев

начал терпеть убытки и в 1863 году сначала сдал завод в аренду, а потом вовсе продал английской фирме «Рихтер Дей и К^о».

Прошло почти семьдесят лет со дня основания завода. И если первый директор, шотландец, подданный английской короны, разместил цеха на территории собственной дачи, чтобы выпускалась продукция во славу России, то русский генерал Николай Александрович Огарев продал все к «едрене фене» англичанам, только бы свой куш ухватить. Даже сейчас, во время «смутное», не понять это ни сердцем, ни умом...

А может, это только мне не понять?

На этом можно закончить мое повествование. Однако, чего-то все-таки не хватает.

Даже сегодня, через сто тридцать лет после смерти Николая Ивановича, несмотря на огромные усилия большевиков, имя Путилова не «отодрать» от имени завода. Да, можно прикрыться другим именем, но все равно, во все времена после января 1868 года завод был и остался Путиловским.

Ни в дореволюционных изданиях, ни в советских нет статей о Путилове.

Даже в книге «История Путиловского завода», пятьсот страниц которой посвящены дореволюционному периоду, не нашлось места для описания великих трудов человека, воссоздавшего завод. Удивительная вещь, название завода «Путиловский» в книге есть, а о самом Путилове – ни

слова.

Сегодня имя Николая Ивановича Путилова возвращается к нам.

Скажу только об основных вехах жизни великого русского самородка:

– в 20 лет Путилов стал преподавателем в кадетском корпусе и в том же году опубликовал статью о найденной им ошибке, допущенной известным французским математиком О. Колли в курсе интегрального исчисления;

– в 39 лет – Император России Александр II лично повесил на грудь Николая Путилова орден Станислава второй степени и произвел его в надворные советники. Так был оценен его трудовой подвиг во время Крымской войны. В народе его называли человеком, спасшим Петербург от британского десанта;

– в 44 года – вместе с изобретателем Павлом Обуховым Путилов построил первый в России сталелитейный и оружейный завод, что позволило уменьшить заказы стальных орудий за границей;

– в 48 лет он врывается в сферу российского бизнеса. Небольшой заводик он за короткий срок в буквальном и переносном смысле поставил на «русские рельсы», прочные и способные выдержать сильные морозы. А их профиль, предложенный и запатентованный им, оказался самым оптимальным, и не меняется ни в одной стране мира до сих пор.

Путилов отстранил от поставки котельных и топочных листов для военных паровых судов известный

английский завод Ламур, а знаменитого Круппа – от вооружения.

О Путилове есть замечательные высказывания директора морского министерства К. А. Монна:

«...Слова «Путилов» и «честность» сделались синонимами в морском ведомстве. Как то подразумевалось, что Путилов подрядчик не из барыша, а из патриотизма... Он будил нашу апатию в администрации и мешал передавать все предприятия по железно заводскому делу в руки иностранцев, что было так удобно и безответственно для министерства, но ставило нас в зависимость от иностранцев не только в деле промышленности, но даже охраны государственной безопасности.»

Золотые слова.

В истории завода много славных дел, но эта тема для наших дальнейших разговоров. Жду тебя, привет от всей семьи.

Алексей

Письмо Николая

Дорогой Леша!

Спасибо тебе сердечное за письмо. Все то, о чем ты написал, меня очень заинтересовало и

очень пригодилось. Дело в том, что в нашем издательстве лежит рукопись хорошей книжки об истории Уралмаша. Написал ее мой старый товарищ, толковый журналист. Лежит и лежит. Давно. И никто не торопился ее издавать. Когда я получил твой рассказ о Путиловском заводе, то подумал, что здорово бы было издать серию документальных книг об истории старых русских заводов. Мысль эта родилась еще и потому, что в нашем Екатеринбурге живет человек, собравший большую половину книг (а было их 250) из серии «История фабрик и заводов», задуманная А. М. Горьким и вышедшая в 30-е годы. Сейчас переиздавать ее нет смысла, а вот серия из нескольких книжек могла бы быть очень интересна и полезна. Я пошел к нашему главному редактору и к большому моему изумлению, инициатива была принята на ура. Что из этого следует? А то, что книжку об Уралмаше запускают в производство немедленно, а я через месяц-полтора буду у вас в Питере собственной персоной, чтобы сидеть в архивах, библиотеках и в музее завода. Может быть, даже обнаружу нашего старика.

Это первая новость. Вот тебе еще одна. Все это время я переписывался с Лизой и нередко говорил с ней по телефону. Мы даже наметили на лето совместное путешествие. Будем сплавлиаться на байдарках по Чусовой. Теперь детали этой поездки и снаряжения мы сможем обговорить лично.

Большой привет Маше и твоим девочкам. Да здравствует семейная жизнь! Кажется, она у меня тоже

намечается.

Добрые слова на память

1

При мне «Кировским заводом» руководили три генеральных директора: Муранов, Чернов и Семененко. С первыми двумя я встречался в цехах, где шла реконструкция, на производственных совещаниях, которые проходили каждый вторник под их руководством. Я работал начальником генподрядного управления и отвечал за определенный участок работы. Бориса Александровича Муранова и Станислава Павловича Чернова я запомнил, как умных, ответственных руководителей, которые многому меня научили. И сегодня, при редких встречах, кланяюсь им и благодарю за науку. Науку руководить.

При всем моем уважении к этим людям, мы не были очень близки, связывали нас в основном производственные отношения. А вот с Петром Георгиевичем Семененко с самого начала все сложилось по-другому. Мы познакомились, а потом и подружились, когда его назначили директором танкового производства. Я твердо был уверен, что он военный, наверняка танкист. Офицерская выправка, чеканный шаг. Какое же было мое удивление, когда он шепнул мне по секрету, что до своего назначения танк видел только на картинке.

Мы были ровесниками. Однако он всегда казался мне значительно старше, солиднее, умнее, и вообще, обладал качествами, которыми я хотел бы обладать. По служебной лестнице мы поднимались почти синхронно: он стал главным инженером на заводе, я – в тресте. Его назначили генеральным директором объединения, меня – управляющим сорок седьмым трестом. Так, рука об руку, мы проработали вместе пять лет. Много это или мало? Сейчас мне кажется, мало.

Интересно было строить и реконструировать Кировский завод. Что ни построишь – все впервые, все уникально. Любой профессионал мечтает о таких объектах. Мне, можно сказать, повезло, в тридцать шесть лет я стал возводить цеха знаменитого завода, руководя строительным управлением. Сейчас, когда я иду мимо Кировского, меня переполняет гордость за то, что мне удалось когда-то сделать. Вот этот цех построили за год, хотя никто в это не верил. По четкому совмещенному графику одновременно работали строители и монтажники трех десятков специальностей; на крыше вставляют стекла в фонари, под перекрытием идет окраска, тянут провода, прокладывают паровые и воздушные магистрали, монтируют станки, заливают пол.

Петр Георгиевич Семененко был человеком требовательным, не терпевшим расхлябанности в работе. Он мог строго спросить за порученное дело, однако все знали и его доброжелательность, заботу о людях, смелость в решении деловых вопросов. Он не вмешивался в оперативную работу

треста, ему хватало своих вопросов, но держал под контролем все. Он не терпел «долгострой», во всем любил порядок. Эта его черта была, пожалуй, стержневой в характере. Строителям, а особенно своим заводским работникам, было нелегко. Огромная территория Кировского завода – десятки улиц, переулков и проездов, и везде нужен асфальт, зеленые насаждения. Грязь на территории завода он считал личным оскорблением.

Надо сказать, Петр Георгиевич знал цену своим словам. Я не слышал, чтобы он кого-то принародно отчитывал, как это иногда случалось в другими руководителями. Например, Станислав Павлович Чернов мог в запальчивости сломать ручку или разбить телефон. Семенов просил после совещания кого-то остаться, и дальнейший разговор проходил уже за закрытыми дверями.

Привыкший к работе с огромным коллективом, он вел себя достойно с любым начальством, даже самым высоким: с президентом, с премьер-министром, с губернатором. Никогда не заискивал и не лебезил. Это качество стало спасительным для завода, когда в стране началось то, что называли перестройкой.

Что стояло за популярным термином? Едва ли кто-нибудь отчетливо это себе представлял. Ну, конечно, гласность, выборность, свобода совести, вероисповеданий, отсутствие цензуры, и т. д. А что же в экономике? Как перестраиваться Кировскому заводу? Чисто конкретно? Что перестраивать,

когда уже развернуты все основные производственные мощности, выведены на проектные нормативы тракторное, и, как тогда говорили, специальные производства, а главное, достигнута мечта каждого производственника – строгая подекадная ритмичность? То, что в стране грядут реформы, понимали, мне кажется, многие. Но многие из этих многих, как люди, привыкшие к дисциплине, ждали указаний сверху. Отсюда упущенное время и колоссальные потери в последующий период, когда экономические реформы страны негде было применить – не оказалось самой страны, в которой начиналась перестройка.

Благодаря Семененко объединение «Кировский завод» не затронула, или не так больно затронула судьба многих предприятий оборонного комплекса. И тот факт, что он не очень-то оглядывался на начальство, тоже сыграл свою роль в спасении завода. На «Кировском» еще на начальной стадии реформ нашли оптимальное сочетание между выпуском военной продукции и гражданской. Тут можно приводить много примеров, например, о новых модификациях трактора «Кировец», получившего спрос на зарубежных рынках, или создании линейки колесных машин для дорожного строительства (за что, кстати, Петр Георгиевич был удостоен Государственной премии Российской Федерации). Можно вспомнить и выпуск бронированных автомобилей, или изготовление уникального оборудования для завода по сжиганию донных осадков. И многое другое.

Все, кто работал с Петром Георгиевичем, обязательно отмечали в нем поразительное чутье на новое. Это была природная интуиция, позволявшая ему принимать сложные и неоднозначные решения. Во времена перестройки было невозможным даже краткосрочное прогнозирование, и даже самые светлые умы путались в расчетах и прогнозах. И тут могла помочь только интуиция. Петр Георгиевич видел то, чего никто вокруг видеть не мог, и схватывая еще невидимое, уже внутренне знал, что необходимо делать на заводе в первую очередь. Он ставил цель и двигался именно в этом направлении. И редко ошибался.

Петр Семенович знал, как разговаривать с людьми, и не только со своими сторонниками, но и противниками, умел сблизить позиции, и при этом держать дистанцию. Незамеченное качество, я назвал бы его решающим в ситуации, когда возникает необходимость объединить всех. Он сумел объединить огромный коллектив «Кировского завода» вопреки всему негативному, что случилось в нашей жизни и жизни страны. Сегодня, когда и век-то уже другой, и новая реальность стала привычной повседневностью, особенно отчетливо понимаешь именно эту заслугу генерального директора: завод не раскололо, не разделило на какие-то неясные фрагменты, а его директор остался Директором.

Совсем недавно, благодаря инициативе людей, близко знакомых с Петром Георгиевичем Семеновичем, городское правительство присвоило его имя одному из городских скве-

рОб.

2

Осень. Для меня она всегда в радость. Осеннее яркое солнце согревает душу, а не тело. Душа – понятие философское, о ней отдельный разговор. Мои слова о ранней осени, ей я признаюсь в любви. То, что природа делает осенью, не увидишь в другие времена года. Все раскрашено в желтый, зеленый, красный, синий, оранжевый и другие цвета. А сколько оттенков! Диву даешься – как может такое получиться, кто и где смешал эти краски, и продолжает смешивать, каждое утро добавляя что-то новое в многоликую палитру?

Раннее утро, только-только солнечные лучи начинают пробивать пелену тумана, который плотно укутал землю. Чем выше солнце, тем бледнее туман, он отрывается от деревьев и улетает ввысь. Солнце все выше и выше, и вот уже приходится прищуривать глаза, вот уже огромное золотое пятно маячит на горизонте, почти мгновенно доедая остатки белых лоскутков...

Я иду по опавшей листве. Она шуршит под ногами, она разговаривает со мной. Этот многоцветный ковер не воспроизвести никому, каким бы талантом не обладал человек. Только природа в осеннюю пору может сотворить такую красоту.

Останавливаюсь, набираю букет из листьев, люблюсь каж-

дым по отдельности.

Каждый раз, когда приходит пора золотой осени, я думаю об одном и том же. Как остановить этот миг, или хотя бы ненадолго продлить? Кому это под силу? Господу богу? Гениальному художнику? Талантливому писателю? Я пытаюсь вобрать в себя эту красоту и постараться описать ее на бумаге. Катастрофически не хватает слов. Вспоминаю Бунина:

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.

Березы желтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, елочки темнеют
А между кленами синеют

То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступает в пестрый терем свой...

В ноябре всегда чувствуется дыхание близкой зимы. Ночью температура опускается ниже нуля, да и днем заморозки не редкость. Ноябрь – самый пасмурный месяц, солнечных

дней на пальцах одной руки можно сосчитать. Почти каждый день дождь, снег. Становится холодно. Ветер срывает с деревьев последние листья, и те, горестно вздыхая и кружась, падают на холодную землю и засыпают до весны.

В тот год снег выпал в начале ноября. Гидрометцентр сообщил, что к нам вторгся арктический воздух. Господи, еще вчера было тепло и грело солнце, а утром народ добирался на работу по глубокому снегу. Еще в коридоре я услышал телефонную трель в приемной. Поднимаю трубку. Управляющий трестом просит зайти. Для меня это стало полной неожиданностью. Никогда еще первое лицо не приглашало меня «на ковер» так рано. Что же могло стать причиной? Капризы погоды? Вряд ли. Снег и мороз всегда застают врасплох, особенно коммунальные службы.? Так ничего и не придумав, захожу в кабинет.

– Здравствуйте, Григорий Никифорович!

– Здравствуй. Присаживайся поближе ко мне и слушай. Вчера принято решение о сдаче в эксплуатацию цеха ходовой части. К седьмому ноября.

Я не сразу понял смысл сказанного, удивленно хлопая глазами. Управляющий попытался уточнить:

– Строительство объекта ведет твое управление, так ведь?

– Так, – хрипло подтвердил я.

– Готовь документы к сдаче.

– Так сдача только в первом квартале следующего года.

– Спасибо, что напомнил. Высокое начальство решило

сдать объект к празднику, нужно подарок Родине преподнести. Или ты против?

– Я не против подарка, но цех сдавать рано.

– Ты как-то медленно соображаешь, – уже начал раздражаться управляющий. – Решение приняли наверху, – управляющий показал указательным пальцем в потолок.

Я молчал. Если так решили, наверняка с руководством завода было согласовано. Но от этого становилось не легче. Сдавать, хоть и по бумагам, огромный цех было достаточно проблематично. Надо было перекраивать весь график производства. На первый план выплывали отделочные работы, создававшие «товарный» вид. Однако этот вид разрушался при прокладке электрических кабелей, других технологических проводок, и в конечном счете «товарный вид» приходил в ужасное состояние. Отделку приходилось выполнять заново. Но самое главное начиналось при штурмовщине. На объект нагонялась масса людей, половина которых слонялась без дела. Каждый день проводились совещания и писались отчеты, стоял крик, ругань, матерщина. Как правило, работу это не убыстряло, потому что последовательность была нарушена, и восстановить ее уже не было никакой возможности.

– Ну, чего молчишь? – нарушил молчание управляющий.

– Свое мнение я сказал.

– Оставь свое мнение при себе. Выполняй задание.

Я встал, собираясь уйти, но управляющий показал рукой на стул, и как-то устало и проникновенно сказал:

– Пойми меня правильно. Я все понимаю, будет нелегко, но все-таки надо сделать в срок и качественно... Обкому партии отказать невозможно.

– Сколько у нас времени?

– Месяц. Акт государственной комиссии должен быть подписан в начале ноября. Сам понимаешь. К празднику.

Я вновь присел. Снял очки, долго протирал их носовым платком, затем посмотрел на управляющего.

– Но вы же понимаете, что это невозможно?

– В своей жизни я много видел и возможного, и невозможного. Нужно.

У дверей я остановился и сказал:

– На третьем производстве неделю назад сменился директор. Вместо Писаренко назначен Семененко Петр Георгиевич. Вы знаете, его? При подписании акта надо начинать с него.

– Мы мало знакомы. Я помню его по корпусу «Б», он был главным строителем на «Акуле». Встречались редко, проект уж больно был секретным. Так что иди, знакомься. Мы тоже не сторонние наблюдатели, где надо, поможем.

* * *

Я впервые пришел к руководителю танкового производства. Конечно, танки собирают в цехах, чертежи узлов разрабатывают в конструкторском бюро. В приемной даже маке-

тов танков нет, все обычное, конторское. Заходят люди, звонят телефоны, секретарша пьет чай. Все, как у нас в тресте.

Но я знал, все здесь существует только для того, чтобы выпускать самые совершенные машины, на заводе их называли «изделиями». Цех, который решили сдать досрочно, в подарок Родине, будет основным при производстве ходовых частей уникальных машин.

– Заходите! – машет секретарша, показывая на дверь кабинета. Я вскакиваю и пытаюсь четким шагом пройти до двери, но что-то у меня не получается, не могу открыть дверь, секретарша бросается мне на помощь, и вдвоем мы буквально вваливаемся в кабинет директора.

Тишина.

– Здравствуйте, Петр Георгиевич!

Из-за стола поднялся высокий, плотного телосложения мужчина. Он улыбнулся, обнажив белые зубы и громким, командирским голосом ответил на мое приветствие:

– Подходите поближе, садитесь.

Я сел за маленький короткий стол-приставку.

– Рассказывайте, что привело вас ко мне.

Я рассказал. Он слушал, не перебивая. Когда я закончил, Семененко встал, подошел к окну и как-то мягко, с некоторым сожалением сказал:

– Вы знаете, цех нам нужен, как воздух. План следующего года сверстан с учетом его работы. Потому он нужен не на бумаге, а работающим. Как у вас со временем?

– Каким временем?

– Сейчас Вы свободны?

– Да.

– Пойдемте в цех.

Цех, втиснутый между двумя старыми цехами и железнодорожным подъездным тупиком, возвышался над соседями. Выглядел он прекрасно. Лицо любого здания – это фасад. Как человека «встречают по одежке», так и первое знакомство со зданием начинается с оценки его внешнего вида.

Фасад нового цеха был выполнен в классическом стиле. Мы остановились перед цехом, любуясь его обликом.

– Хорош, – произнес Петр Георгиевич.

– Да, – в тон ему произнес я. – Вот если бы внутри он был так же красив.

– А что там особенного внутри?

Я промолчал.

Внутри было прохладно, тепло начали запускать только сегодня, основной приток через калориферы еще не действовал, как всегда что-то было не доделано, не отлажено.

Кругом работали сотни людей; шел монтаж мостовых кранов, тянули провода, устанавливали распределительные щиты, по кронштейнам укладывались трубопроводы. Отделочники, ругаясь то с одними, то с другими, пытались делать мозаичные полы. При сдаче любого объекта на первый план выходят проблемы, которых не было видно раньше. Больше суеты, несогласованности в работе многочисленных организа-

ций. Отсутствует и строгая дисциплина, материальная и хозяйственная ответственность. К примеру, построены десятки подстанций, а электромонтажники не работают. Почему? Оказывается, не закончена штукатурка, покраска, не запираются двери. Уложены сотни кубометров бетона, но не сданы под монтаж фундаменты из-за отсутствия паспортов на оборудование, застрявшее в Свердловске. И вот так набегает по мелочам, каждый «узелок» требует внимания и времени, для того чтобы его развязать.

Мы обошли с Петром Георгиевичем цех, заглянули в каждый угол, поднялись по металлическим лестницам и взглянули с высоты подкрановых путей, забрались в темные венткамеры, где он, к моему удивлению, вытащил из кармана фонарик и стал рассматривать внутреннее оборудование.

Когда мы вновь зашли к нему в кабинет, он спросил:

– Сколько времени нужно, чтобы закончить работы? Только честно.

– При ежедневном контроле два месяца.

– Что такое ежедневный контроль?

– Утром и вечером совещания, увязывающие работу субподрядных организаций и заказчика. При этом нужна жесткая дисциплина по выполнению дневных заданий.

– А кто будет устанавливать дневные задания?

– Специалисты, увязывающие графики производства работ.

– А они есть, эти специалисты?

– Да.

– Почему они раньше это не делали?

– Дело, о котором вы говорите, уникальное. У этих специалистов есть повседневная работа. Сами задания – это не панацея. Выполнить их – вот главная задача.

– Вы способны потребовать?

– Есть отдельные виды работ, где я бессилен.

– Почему?

– Это московские организации, работают только по указанию министерства.

– У нас в цехе остались такие?

– Две организации.

– У них большой объем работ?

– Слава богу, они заканчивают. Однако, Петр Георгиевич, наши работы тоже заканчиваются, а сразу за нами вступаете в дело вы.

– Как это?

– Мы делаем инфраструктуру цеха, монтируем оборудование и сдаем его вам в пуско-наладку. Это оборудование составляет тридцать процентов от общего объема. Остальные станки вы демонтируете из других цехов и устанавливаете сами, и на это тоже уходит два месяца.

– То есть ты хочешь сказать, что в результате строительство будет окончено в марте?

Он задумался, разглаживая лоб огромной ладонью.

– Сколько Вам лет? – неожиданно спросил он.

– Что? – не понял я.

– В каком году Вы родились?

– В сорок шестом?

– Значит, мы одногодки.

– А от этого что-то меняется?

– Не знаю, но мне приятно, что мы с тобой ровесники. –

Он перешел на «ты», видимо, имея в виду наш возраст. –

Завтра в это же время будь у меня.

На другой день я снова пришел на встречу. Был подготовлен график окончания работ, подсчитано необходимое количество работников. Получалось так, что с большим трудом, при трехсменной работе, без выходных, сдача цеха к концу года становилась возможной.

С Петром Георгиевичем мы повстречались как старые знакомые.

– Знаешь, о чем я подумал?

– Еще нет, – пошутил я.

– Садись, расскажу. Понимаешь, ты удивил меня тем, что цех сдается в пуско-наладку.

– Это всегда так делается, новый цех – не исключение.

– А если совместить в оставшиеся два месяца наши и ваши работы.

– Как это?

– Просто совместить.

– Но мы нарушаем...

Он прервал меня, не дав договорить.

– Что нарушаем?

– А хрен его знает, что нарушаем, но так не было никогда.

– Не было, так будет.

– Представляете, какая каша заварится?

– Представляю. Ты свою работу делай, а я свою, и все у нас получится.

– А секретность, а первый отдел, как они посмотрят?

– Оборудование и станки обычные, уникальных нет, да если бы даже и были, разве трудно декорации сделать?

– Элементарно.

– Ты согласен?

– Да.

– По рукам.

Все было бы просто, если бы не было так сложно. Наши начинания дали сбой. Неожиданно для меня и для Петра Георгиевича интересы работающих заводчан и строителей не совпали. Появились взаимные требования, упреки, нежелание идти на компромиссы.

Кадры – стратегический вопрос всякого строительства. Он имеет особенное значение при строительстве цехов со сложнейшими агрегатами, станками, приборами, системой питания. У меня иногда возникало чувство, что отдельные руководители слабоваты, не в состоянии справиться с объемом работ и поэтому надо кое-кого сменить. Поделился своими тревогами с Петром Георгиевичем.

– Сколько у Вас инженерно-технических работников на

строительстве цехов?

– Сорок человек.

– Возьми моих еще десяток. В итоге будет пятьдесят. Соберем всех мастеров, прорабов и бригадиров, расскажем, что мы с тобой затеяли.

– Может, прямо в цехе?

– Давай в цехе.

Когда начал говорить Семененко, все стихли, Он не бросался терминами, говорил просто и в то же время проникновенно. Цель совместной работы, говорил он – сдать цех в декабре, и не под пуско-наладку, а уже в работу. В январе детали из этого цеха должны поступить на сборку.

Многие знали, кто такой Петр Георгиевич, однако некоторые строители видели и слушали его в первый раз. Долго в тот вечер обсуждали дела, подробно, заинтересованно. Главное – договорились о деле; не расформировывать бригады, не перемещать рабочих из одной бригады в другую, пока она не закончит работы. И еще много проблем рассмотрели мы, все это помогло в будущем. Работа пошла.

В декабре цех заработал. Мы обошли с Петром Георгиевичем цех, поднялись на ярусную площадку. Все радовало глаз. Спустились, вышли на улицу и были поражены тем, что творилось вокруг. Декабрьский день был удивительно солнечным. Еще вчера на улице было уныло, холодно и сыро. В сквере рядом с новым цехом старые скрюченные листья были прикрыты тонким слоем снега, а деревья отбрасывали на

белое покрывало причудливые резные тени.

На прощание Петр Георгиевич пожал мне руку.

«– Спасибо за доброе дело», – сказал он.

3

Советы трудовых коллективов предприятий, созданные на заре перестройки и гласности, для руководителей больших и малых организаций были как бельмо на глазу. Они не умели и не хотели работать, умели только требовать. Большинство в советах составляли рабочие, поэтому любое заседание заканчивалось требованием. Требовали повышения зарплаты, требовали чаще менять спецодежду, требовали платить за лечение зубов, выдвигали всевозможные социальные требования, возникающие спонтанно при очередном разговоре «о жизни». Совет никогда ни за что не отвечал. Он даже свое название не оправдывал. И вот такой некомпетентный орган должен был решить весьма сложный вопрос: как акционироваться тресту? У меня, специально изучавшего эту проблему, было много сомнений. Дело в том, что полностью отсутствовали какие-либо нормативные акты, на которые можно было опереться. Приходилось советоваться с коллегами, изучать опыт других предприятий, что-то выдумывать, импровизировать.

Конечно, не хотелось разваливать трест на части. Многие думали так же, но полного согласия в нашем «королевстве» не было. Четыре начальника строительных управлений считали иначе. Причем каждый из них заручился поддержкой «своих» членов совета. Не стесняясь, они ввали работягам,

обещая счастливую жизнь при акционировании «по отдельности». Приводили примеры успешных аукционирований, где, по их словам, наступил «рай земной». Но я-то знал, что это не так, поэтому использовал весь свой авторитет, чтобы остановить это безумие. С членами Совета обсудили проблему и договорились встретиться через два дня, чтобы окончательно решить судьбу нашего строительного треста.

...Я вышел из управления уставший. Голову разламывала боль. Отпустив машину, решил пройтись по свежему воздуху. Совещание трудно было назвать удачным, поэтому невеселые мысли одолевали меня, они назойливо крутились в голове, требовали внимания и анализа. Да, люди должны понимать, куда они идут, им нужны перспективы. Мне самому необходима четкая концепция, если я пытаюсь оказать влияние на других. Мне нужно самому хорошо представлять, куда двигаться, и только тогда можно тянуть за собой других. А знаю ли я сам, куда идти? Чего я добиваюсь, используя свой личный авторитет и опыт?

Вдруг я услышал свое имя и отчество, Оглядевшись и никого не увидев, собрался спуститься в подземный переход, что находился под проспектом Стачек, но, сделав шаг, опять услышал голос. Обернувшись, увидел машину и выходящего из нее Генерального директора Кировского завода. Его трудно было с кем-нибудь перепутать, он отличался практически от всех, кого я знал. Среди моих знакомых таких красивых мужиков не было.

– Петр Георгиевич, вот уж не ожидал тебя увидеть!

– Ты думаешь, я ожидал с тобой свидеться? О чем задумался? Чуть машину мою не сбил...

– Решил пройтись после заседания трудового коллектива.

– А ты разве не знаешь, что после заседания Совета трудового коллектива пешком ходить нельзя?

– Почему?

– Опасно.

– Никогда об этом не задумывался.

– Для тебя это впервой, а я этот этап уже прошел. Сказать честно, это были самые тяжелые для меня времена, времена так называемого Совета трудового коллектива. Что это за зверь такой, никто толком не знал. Все решения сводились к «дай, дай, дай».

– Значит, и у вас на заводе было то же самое?

– Не сомневайся. Везде так было, где работали советы. Но ладно о грустном. Как дела, что за мысли не дают покоя?

– Петр Георгиевич, на ходу не расскажешь... Смотри, на нас уже обращают внимание.

– И то верно. У тебя есть время, хотя бы час?

– Есть.

– Садись в машину, доедем до скверика в Автово, там и поговорим.

Сквер находился за железной дорогой, что вела на станцию Автово, сразу за переездом.

– Давненько я здесь не был, – пробираясь через кустарник

к скамейке, говорил на ходу Петр Георгиевич.

– Скажи я кому, что с директором Кировского завода по кустам ползаю, не поверят.

– А чего тут плохого. Раньше я здесь часто сиживал. Вон, посмотри, у кладбищенской стены гаражи стоят, там и мой где-то притулился...

– У тебя там гараж?

– А чего ты удивляешься? Я что, сразу Генеральным стал? Нет, милый мой, после института работал сменным мастером в цехе турбинных лопаток. Видел, что происходит на заводе, и днем, и ночью. Потом был заместителем начальника цеха по производству. Начальником цеха трансмиссии. Численность – больше тысячи человек. Крика и ругани выслушал – на всю жизнь хватит. Тогда таким как я персональные машины еще не подавались... Жили скромно. Ну, рассказывай про свои беды, тут нам никто не помешает.

– Ты знаешь, Петр Георгиевич, в последнее время я как машина стал: это надо сделать, и вот это надо сделать, и еще это, и это. Времени на все не хватает, а тут как снежная лавина – акционирование. Как будто кому-то фитиль к заднице поднесли, давайте поскорей, давайте поскорей! Будто мы большие специалисты в этом деле, знаем, как акционироваться, что акционировать. Кто говорит, надо весь трест сохранить, как единое целое, кто-то утверждает, что каждое строительное управление должно быть самостоятельным... Где правда, не знаю.

– А ты говоришь, бед нет. Сам-то как считаешь?

– Я хочу, чтобы трест был единым и неделимым.

– А все продумал?

– А что тут продумывать?

– Ну, хотя бы составил грамотный бизнес-план, в котором должно быть все просчитано: и снабжение, и сбыт, и стройка, и наличие заказов, и количество рабочих.

– Это у тебя сбыт, у меня стройка.

– Это в плановой экономике у тебя стройка, а когда частником станешь, все, что построишь, сбывать надо.

– Кирпичную кладку сбывать, или монолитный бетон?

– Готовую продукцию.

– Петр Георгиевич, какая-то чертовщина.

– А как ты хотел? Вчера ты руководил государственным строительным трестом, а сегодня ты – акционер, частник, капиталист – называй как знаешь. В акционерном обществе складываются капиталы многих участников, с ними нужно считаться. Подтверждение денежных вложений – акция...

– Послушай, о чем ты говоришь? Какие капиталы, какие денежные вложения, кто их даст?

– Акционеры, а кто же еще? У нас, капиталистов, по-другому не бывает.

– Но ведь акционерами должны быть сотрудники треста!

– Если не будут платить, значит, они не акционеры.

– А кто будет акционером?

– Любой, имеющий желание и деньги.

– Черт знает, что такое, совсем все запуталось.

– А ты разложи все по полочкам, посади рядом экономистов, и считай. Сколько денег нужно для выкупа имущества, где взять их, можно ли вынуть из прибыли? Кто будет кредитовать? Какое общество вы создаете, открытое или закрытое?

– Подожди, от кого закрытое?

– В закрытом обществе могут быть только работники треста.

– А в открытом?

– Да хоть вся Россия.

– А где лучше?

– Там, где нас нет.

– И то верно. А как у тебя дела на заводе?

– Ну, что у нас. Такие же проблемы, их нужно решать... –

Он задумался и вдруг сказал, – Ты знаешь вспоминаю свою работу главным инженером с таким удовольствием... Я уверен, что это самая интересная должность на заводе. Только главный инженер определяет техническую политику...

– Что это ты вдруг вспомнил?

– О хорошем всегда приятно вспомнить. Сейчас бурление на заводе закончилось, совет трудового коллектива остался в прошлом. Кировский завод стал единым, цельным, не разграбленным, не убитым. Смотрю на смежников: кругом неразбериха, непонятно, кто командует, кто работает. Появились новые люди, директора-владельцы, в основном они

не разбираются в производстве, главное – продать. Какого качества, это десятое дело. В любое предприятие, а особенно у нас в России, нужно вкладывать огромные деньги. Если даже часть денег с предприятия выводится, оно обречено на прозябание или гибель.

– Но вас-то это мало касается, вы ведь неплохо оснащены.

– Нас это очень сильно касается. Оборудование устарело. Станкостроение в мире движется семимильными шагами, а мы по эффективности труда отстали от конкурентов в разы.

– Да ладно придумывать. Кировчане отстали, от кого?

– От передовых заводов мира.

– От иностранных, что ли?

– От них.

– Но мы всегда шлепали за ними.

– А можно идти впереди, а не шлепать. Разве нельзя приобрести такое же оборудование, что у них? Мы знаем, где оно выпускается, тайн здесь нет.

– Куда замахнулся! Сейчас министерства оборонной промышленности нет, кто выделит деньги?

– Зарабатывать надо свои. И мы это делаем, в прошлом году капиталовложений в средства производства вложили вдвое больше, чем при советской власти.

– Да, сейчас редко кто столько вкладывает в развитие.

– А я не о наших заводах говорю, наши конкуренты не здесь, а там, в развитых капиталистических странах. И скорость развития у них выше. Поэтому мы должны двигать-

ся по пути кардинального технического перевооружения и эффективной организации труда. Роль человека на производстве нужно принципиально изменить. Надо планировать весь рабочий цикл. Нужно знать, сколько качественных деталей получим за час, смену, месяц. А для этого надо учить рабочих, но не так, как мы делали, а с учетом понимания новой техники. Люди должны знать, насколько ответственной становится их работа.

– Да, Петр Георгиевич, похоже, мои беды по сравнению с твоими – мелочь.

– У каждого из нас свои проблемы.

Мы замолчали. Только было слышно, как листья и тонкие ветви деревьев шелестели от слабого ветра над нашей головой.

– Хорошо мне с тобой. Спасибо, что нашел время, Петр Георгиевич. Я часто встречаюсь со своими коллегами, но такого разговора как-то не получается. Я догадываюсь, почему.

Одна из причин – закрытость нашего треста. Мы работали на оборонных объектах, а здесь разговоры были не в чести. Хотя, стройка есть стройка, где бы ни была. Я уверен, что по контурам цеха не узнаешь, для чего он строится – для производства танков или тракторов.

– Сейчас другое время. Закончилась эпоха плановой экономики, начались бурные времена вхождения в рынок, и надо принимать правильные решения.

– Ну, если рынок, то и управление совсем другое.

– Не надо путать штатное расписание с управлением. У нас стиль управления на заводе отработан годами: полная демократия при обсуждении будущего решения, и его единоличное принятие. Заговорил я тебя, пошли.

– Знаешь, сейчас я стал постарше, но все равно, когда приезжаю на стройку, смотрю как замороженный на работу каменщиков. Мне нравится, как кирпич за кирпичиком вырастает стенка. Так же и в нашей жизни: знания, которые мы получаем, дают нам необходимый жизненный опыт.

– Я не строитель, но скажу тебе по секрету: мне так хочется, как в молодые годы, встать за станок в ночную смену и выполнить сменное задание наравне с опытными рабочими. Услышать от них добрые слова. Как жаль, что такое я уже не смогу себе позволить.

Мы еще долго прощались, пожимали друг другу руки, что-то опять вспоминали. Сумерки прикрыли крыши домов. Зажглись фонари. Мы побрели разыскивать оставленную где-то неподалеку машину...

4

В приемной генерального директора производственного объединения «Кировский завод» Петра Георгиевича Семеновко было, как всегда, людно. Помощник генерального, увидев меня, тут же подошел.

– Что-то случилось? – негромко спросил он.

– Нет, ничего, слава Богу. Хочу увидится с Петром Георгиевичем, мы договорились об этом с ним по телефону.

– Подождите минутку, Петр Георгиевич сейчас освободится.

Он не успел еще договорить, как на пороге кабинета показалась высокая фигура генерального. Увидев меня и извинившись перед очередным посетителем, он махнул мне рукой.

– Заходи.

Уже в кабинете, он протянул свою широкую, как лопата, руку.

– Здравствуй, дорогой. Рассказывай, что привело ко мне. Мы же не виделись, дай бог памяти, с полгода?

– Пришел проститься, Петр Георгиевич!

– Не понял. Куда это ты собрался? В строительный комитет забирают?

– Да никуда меня не забирают.

– Так чего прощаться?

– Правление приняло решение съехать с территории Кировского завода.

– Причина?

– Вы же знаете, объемов нет, работаем, где можем. Управление механизации – на заводе. Чуть ремонт – проблема въехать, выехать. Снабженцы – на заводе, конторы строительных управлений и треста тоже у вас. Все здесь, только нет работы. Можно ли работать на Невском, а переодеваться после работы на Кировском?

– Насчет нас и Невского, пример неудачный. Вы ведь и в прежние времена в разных местах работали?

– Да.

– А располагались здесь, и мы друг другу не мешали.

– Но сейчас, кроме конторских помещений, все свободно; бытовки на двух этажах, склады. А за все надо платить.

– Надо, я ведь тоже плачу.

Мы помолчали. Семененко подошел к окну, я встал рядом. Мы несколько минут наблюдали, как трактора с главного конвейера отправлялись на погрузочную площадку.

– Пользуются спросом? – кивнул я на трактора.

– Пока да.

– Неужели не нужны будут?

– Если не будет крупных хозяйств, частники такую покупку не осилят.

– А кто же землю пахать будет?

– Как раньше, лошадки, – невесело пошутил Семененко.

– Смеетесь?

– Скорее плачу.

Еще немного помолчали, а когда молчание стало уже неловким, и даже в какой-то степени тягостным, стали прощаться. Уже взявшись за ручку двери, я услышал:

– Остановись пожалуйста.

Обернувшись, я посмотрел на Семененко.

– Зачем так прощаться, как неродным? Давай пройдемся по заводу.

– С удовольствием, но у Вас же дела.

– Чуть-чуть подождут.

Выйдя в приемную, генеральный подозвал помощника и что-то шепнул тому на ухо. Вышли на улицу. Рядом с заводоуправлением стоял новый красавчик-цех. Заглянули. По огромному длинному конвейеру двигались, то поднимаясь, то опускаясь, детали – верхняя одежда тракторов. Здесь придавали им товарный вид.

– Я помню, как начинали строить этот цех, на месте яблоневого сада. Экологи и профсоюз были категорически против, проектировщики категорически за, а мирил всех партком. Часа три ругались, пока приняли решение. Деревья пришлось аккуратно пересадить...

– Я тоже помню то время, был директором третьего производства. Это событие весь завод всколыхнуло. Никто в стороне не остался. А мне и сейчас, говоря по правде, жалко тот яблоневый сад. Наверно, старею, сентиментальным ста-

НОВЛЮСЬ...

– А вот и цех ходовой части, мы с тобой именно здесь познакомились, Петр Георгиевич.

– Значит, помнишь? Ну, и как прошла эта встреча? Надеюсь, ты не очень обиделся?

– На всю жизнь благодарен.

За разговорами не заметили, как зашли в прокатный цех. Сразу в глаза бросились огненные слитки, они медленно плыли по вальцам, создавая вокруг какой-то призрачный, сказочный свет. В конце, у глухой стены, лежали многотонные штабеля уже остывшего металла.

– Здесь все так же красиво, – я посмотрел на механизмы прокатного стана. – За строительство этого стана наш бригадир, Василий Иванович Гвоздарев, получил звание Героя Социалистического труда. Первым из работников нашего треста.

– Но и заводчане не были забыты. Иван Яковлевич Прокофьев тоже получил Героя, – добавил Петр Георгиевич.

– Прокатный цех – главное дело треста.

– Ну почему же, Я бы так не сказал. Да что там говорить, зачем перечислять, сколько дел переделано, и как определить, где главное, где второстепенное. Это прокатка и мартен на слуху, а цеха танкового производства, кто про них знает, а корпус «Б», где подлодки оснащались турбинами. На каких весах определить, что главнее.

Они стояли у раскрытых ворот главного тракторного кон-

вейера. Навстречу медленно двигался «Кировец», надевая по ходу движения необходимое ему для дальнейшей трудовой жизни.

– Петр Георгиевич, когда-то на этой линии двигалось несколько тракторов одновременно.

– Да, времена меняются. Крупных сельхозпредприятий нет, а мелким наш трактор не по карману. Тяжело сейчас всем, так что мы – не исключение. Мощности, занятые когда-то под оборонку, пустуют. Представляешь? Знаменитые танки Т-80 стали вдруг не нужны. Печальная и страшная картина...

– А говорят – танки грязи не боятся...

– Грязи не боятся. А человеческой глупости – даже очень. Ясно одно, государство нам сейчас не помощник. Приходится все менять, приспособливаться. Главная ставка – производство металлопроката. Провели акционирование, бывшие цеха стали заводскими «дочками». Предотвратили банкротство, разобрались с «рейдерами».

– Как думаешь, Петр Георгиевич, стройка хотя бы года через два продолжится?

– Думаю, нет. Проблем у завода много, сейчас главное – заказы и замена устаревшего оборудования. Зданий, что ты нам понастроил, надолго хватит.

– И на том спасибо.

– Давай без обид. Сколько трест занимался строительством на заводе?

– Тридцать лет.

– Так что же ты хочешь? Сейчас на заводе не увидишь ни одного старого цеха, только новые здания.

Они остановились и одновременно посмотрели на громадные здания цехов.

– Ну вот, Петр Георгиевич, посмотри, – показал я на ближайший цех, – как сочетается девятнадцатый и двадцатый век. Правда, немного поправить надо фасад и кровлю. А так – образец промышленной архитектуры девятнадцатого века. Сохранили, не сломали.

– А ведь действительно красиво. Сколько хожу здесь, а не замечал...

* * *

Мы пошли к заливу, мимо танкового КБ, через железнодорожные пути, и у ног заблестели барашки волн. Чуть поодаль были видны красно-зеленые порталные краны в Лесном порту. И огромный белый пассажирский лайнер.

Вот таким удивительным пейзажем и закончилась эта прогулка. Повернули назад, и тут же небо подернулось тучами, начался унылый петербургский дождик. Морозящий, холодный, от которого хотелось побыстрее укрыться.

К заводууправлению подошли быстрым шагом.

– Зайдем на минуточку – попросил Семененко.

– Да я итак у вас полдня занял.

– Зайдем, заодно и дождь переждёшь, а не перестанет – машину дам добрать.

Мы вошли в комнату отдыха, что была за директорским кабинетом, минуя приемную.

Небольшой стол был накрыт на двоих, Однотонная кружевная белая скатерть. Около тарелок нарядно лежали красные тканевые салфетки. В центре стола разноцветные листья клена были аккуратно убраны в хрустальную вазу.

Празднично и торжественно выглядела на столе посуда из белого фарфора. Аккуратно расставлена закуска. Не было ничего жирного, только блюда из рыбы, овощные салаты, фруктовые десерты, сладости. Рядом, на маленьком столике, стояли фужеры, рюмки, вино, коньяк и водка.

– Горячее подавать?

– Спасибо, нет.

– Что будешь пить?

– Водку.

Семененко наполнил рюмки.

– Ваш трест строил завод тридцать лет, я пришел сюда после института двадцать три года назад. Когда работал мастером, а потом начальником цеха, то думал, что трест – хозяйственная заводская единица, настолько мы были близки. А когда стал начальником производства, понял, что родители у нас – разные. Мы состоим в министерстве оборонной промышленности, вы – в министерстве строительства. Но какая разница? Мы вместе делали одно дело, так что давай выпьем

– за мой завод, за твой трест, за нашу молодость, за людей,
которых уже нет с нами...

Наконец-то пришла весна. Исчезли темные тучи, а вместо них показалось удивительно синее пространство, без единого облачка. словно художник, махнув своей волшебной кистью, нарисовал картину. На небе появился солнечный диск, огромный, золотой, и от него протянулись к земле невидимые, наполненные жаром лучи. Нагрелась земля на газонах, и нежная, зеленая трава сразу потянулась вверх, превратив до этого угрюмые парки в веселые лужайки. Деревья зазеленели, прилетели и защebetали в парках птицы.

Стоит только приглядеться, и можно увидеть уже набухшие почки. Первой зацветает вишня. Стоит только утром показаться белому цветку, как к вечеру весь куст уже покрыт белой махровой пеной, и душистый запах наполняет все вокруг, вдыхаешь и не можешь надышаться.

Отгремел первый гром, и потоки воды умыли город, покрытый копотью и пылью в темные зимние дни. Дышится легко, полной грудью, словно ты не в городе, а на даче. Я иду вдоль Мойки, уже нет льда, его унесло в Финский залив, откуда-то появились утки, которые, словно кораблики, клином плывут по воде, радостно побрякивая. Старики и дети бросают в воду мелко крошенный хлеб, и трудно сказать, кто больше радуется этому – утки или люди. Легкие волны ласково лижут гранитные берега. Нева, чистая и блестящая,

с радостью встречает корабли и катера, такие же чистые и умытые. На набережной стоят стройные ряды зданий – знаменитые архитектурные ансамбли Петербурга.

Женщины тонко чувствуют весну. Они давно сбросили тяжелые зимние одежды, и, несмотря на прохладу, уже нарядились в легкие цветные одеяния – соблазнительные и манящие. Все просыпается в эту пору: люди, трава, деревья, появляется желание жить, творить, любить...

Как хорошо, что после серой петербургской зимы наступает весна – благодатная пора, когда в чуть приоткрытое окно ранним утром слышно щебетание птиц, и нет грязных сугробов по обочинам.

Весной стало традицией заслушивать руководителей органов местного самоуправления и предприятий о ходе подготовки и праздновании очередной латы дня Победы. Они проходят в здании райсовета, огромном здании, сотворенном архитектором Ноем Троицким.

Перед началом слушаний у меня было немного времени, и я решил заглянуть к заместителю главы районной администрации. Хотел узнать его мнение, связанное со строительством дома внутри одного из кварталов.

С парадной лестницы зашел в длинный коридор, где расположены кабинеты заместителей. Только открыл дверь, как навстречу – генеральный директор Кировского завода Петр Георгиевич Семененко. Мы оба остановились от неожиданности.

– Сколько лет, сколько зим!

– Здравствуй, Петр Георгиевич. Не знаю, как насчет лет, но не виделись давно.

Мы крепко пожали друг другу руки.

– Что ты здесь делаешь? Помнится, Петр Георгиевич, ты и в советские времена редко здесь бывал, если только первый секретарь персонально попросит зайти.

– Сейчас был у главы администрации. Дел накопилось много, решения требуются. А как твои дела, что в тресте?

– В двух словах не скажешь, тут роман нужно писать.

– В приемные главы диван есть, пойдем присядем.

Мы так и сделали, удобно расположившись в начальственном диване.

– Я тут недавно проезжал по проспекту Стачек, вижу, с завода выезжает новая техника. Может, похвалишься?

– С удовольствием. Еще при тебе мы начали разработку новой техники на базе трактора «Кировец». Сейчас экономика нас подтолкнула к выпуску дорожно-строительной техники. У машины очень хорошие параметры – мощный двигатель, «ломающая» рама, трансмиссия, ведущие мосты. Мы начали с универсальной дорожной машины, на которую монтируется бульдозер и фронтальный шести тонный погрузчик. Реверсивная система управления, то есть водитель может развернуться на сто восемьдесят градусов.

– Недавно я видел у субподрядчиков ваше новое чудо – виброкаток.

– Уже видел? Это уникальная машина, без нее невозможно качественно построить ни плотину, ни взлетно-посадочную полосу, ни дорогу. Мы единственные в России производители. К счастью, она оказалась очень популярной у дорожников, в добывающей промышленности, сейчас мы доводим ее до ума.

– Ты спрашиваешь, как в тресте дела. Это у вас дела, а я по-прежнему кирпич к кирпичу складываю.

– Да ладно прибедняться, заслуженного строителя за просто так не дают...

– Вы и это знаете?

– Мы помним старых друзей.

– Слушай, Петр Георгиевич, когда я встречаю ребят с завода, они рассказывают, что вы стали выпускать технику для крайнего севера.

– И так, и не совсем так. Я давно понял, что мы должны занять нишу по работе с газовиками и нефтяниками. Это огромный потребитель техники. Трубопроводы всегда прокладываются по бездорожью, там нужны машины высокой проходимости. Мы создали четырехместную гусенично-колесную машину, все четыре моста – приводные. Она может быть оборудована двумя гусеницами, а при необходимости ленты надеваются на оси попарно. Проходимость и маневренность у такой машины колоссальная.

– А для чего она предназначена?

– Не спеши. На нее мы навешиваем десятитонный подь-

емник и набор ремонтного оборудования со сварочным агрегатом, а также экскаватор.

– Надо взглянуть, возможно, такая машина и мне понадобится.

– Взгляни, тебе быстро сделаем. По дружбе.

– А если по бартеру? Ты мне – машину, я тебе – приличную квартиру.

– Можно и так.

– Ловлю на слове.

– Другая машина грузоподъемностью сорок тонн. Уникальная особенность этой машины в том, что в ней учтены требования экологии. Север есть север, узик пройдет, а след от него на года останется. У этой машины удельное давление гусениц до 300 граммов на квадратный сантиметр. Тебе, как строителю, это о чем-то говорит?

– Конечно, говорит.

– О чем?

– О том, что это давление – пушинка. Я измерял – ровно четыреста граммов на квадратный сантиметр. – Видишь, какое чудо создали? Сорокатонная техника только травку придавливает.

– Покупают?

– Покупают, но всегда хочется, чтобы побольше брали, это ведь конвейерный материал.

– А про родной наш «Кировец» не забыли?

– Куда нам без «Кировца»? Он на вспашке делает пятьде-

сят гектаров в сутки, пятикратно превосходит конкурентов. На такое способен только «Кировец». Поля нужны большие, но Россия – огромная страна, она ведь северо-западным регионом не заканчивается. Ну ладно, ты все меня пытаешь. А как трест поживает?

– Нормально, хотя скажу тебе по секрету: нашему тресту, как и вашему «Кировцу», побольше бы поле, а то пока все по мелочам.

– Ну, и мелочи надо кому-то делать. У Семеновко позвонил телефон.

«– Извини, я сейчас отвечу», – сказал он мне.

Однако разговор с неизвестным собеседником затянулся. Я отошел в сторонку, затем, когда пришло время идти на совещание, подошел к Петру Георгиевичу. Он оторвался от телефонной трубки, молча пожал мне руку, кивком головы попрощавшись со мной.

Для продолжения жизни

Очерк

В июле 1962 года первый секретарь Ленинградского обкома партии Василий Сергеевич Толстиков проводил совещание в Смольном по вопросам оборонно-промышленного комплекса. Работали без перерыва три часа, все устали, и даже в таком помещении, где объем, и высота были вполне приличными, дышать было нечем. Открыли окна, но это не помогло: мужчины, сидящие в зале, обливались потом. Наконец, совещание закончилось, и все потянулись к выходу, негромко переговариваясь.

К Толстикovu подошел директор Кировского завода Иван Сергеевич Исаев.

– Василий Сергеевич, назначьте встречу. Много времени не займу, а вопрос для завода важный, можно сказать, чрезвычайный.

– Ну, раз много не займешь, давай прямо сейчас. Пойдем. По длинному коридору прошли в кабинет первого секретаря.

Они знали друг друга давно, отношения у них были простыми, но без фамильярности. Сели за длинный стол, что стоял у двери, соединяющей кабинет с секретарской. Высокие окна были прикрыты плотными шторами, в кабинете ца-

рил полумрак, было прохладно, а может, это казалось после душного зала заседания.

– Хочу поздравить тебя, Иван Сергеевич, – начал Толстиков. – И коллективу передай добрые слова. Я знаю, что семисотый ты выпустил из сборочного, несмотря на трудности. Извини, что меня при этом не было. Когда серийный с конвейера сойдет, обязательно приеду.

– Чего серийного ждать, Василий Петрович? Приезжайте сейчас. Во-первых, есть что показать, во-вторых, ваш совет нужен.

– Не смейся, Иван Сергеевич. Тебе советовать?

– Решения нужны серьезные, без вас не обойтись...

– Не пойму, куда ты клонишь, товарищ директор.

– Согласитесь, чтобы выпускать современную технику, нужно реконструировать металлургическое производство. Это – главное. По моей просьбе министерство создало правительственную комиссию во главе с академиком Бардиным. Мы к ней подключили свою группу по механизации металлургических процессов. Результат этой работы, на мой взгляд, трудно переоценить. Теперь мы знаем, что нужно реконструировать, а что – ликвидировать.

– Вот и прекрасно. За чем же дело встало, Иван Сергеевич?

– Дело за малым. Кто строить будет?

– Опять не понимаю. Завод твой, тебе и строить.

– Правильно, завод мой. Но строителей-то у меня – «кот

наплакал». Так, кое-где дырки заткнуть да фасады к праздникам подкрасить. А чтобы металлургию, по сути, создать с нуля, нужны профессионалы в самых разных областях. Это ведь не жилые дома, которые мы для своих же работников пытаемся строить. Там я собственными ногами глину замешиваю и людей из цехов выдергиваю по необходимости. А здесь – прокатный стан нужно построить с мартеновским цехом, а на закуску к ним добавить чугунолитейный с фасоннолитейными цехами, и вокруг еще куча всякой «мелочи» и инженерии...

– Все это я себе представляю, Иван Сергеевич. Я все-таки строитель, и не только по дипломным корочкам. Трест возглавлял. Значит, если я правильно понимаю, вопрос в кадрах. Неужели в нашем городе строителей поубавилось?

– Скорей всего, больше стало. Стройки везде идут. Куда ни глянь, везде краны. Но дело не в этом. Мне не «залетные» нужны, а профессионалы. Кроме реконструкции металлургии, и другие цеха нужны. Нет гальваники, нет цеха окраски кабин, да что там перечислять! Трактор «на коленке» собираем, в серию запускаем, а конвейера нет.

Исаев говорил напористо, убежденно, было видно, что он этот разговор буквально выстрадал. Эта напористость перешла и его собеседнику. В данном случае они не были оппонентами, наоборот – они были земляками и единомышленниками, жителями Ленинграда, великого города, который они должны были сделать еще краше...

– Мне понятна эта проблема, Иван Сергеевич. Это дело не простое, здесь решение Совмина нужно.

– Было бы простое, Василий Сергеевич, сам бы решил.

– Хорошо, дай мне время. Тут нужно все как следует обдумать, документы подготовить, поддержкой заручиться.

Недели через две после этого разговора, в кабинете Исаева раздался телефонный звонок. Звонили по «вертушке».

– Здравствуй, Иван Сергеевич, – узнал он голос Толстикова. – Ничего, что поздновато?

– Наоборот, очень вовремя. Я как раз по цехам собирался пройтись.

– Да я ненадолго оторву тебя. На следующей неделе договорились встретиться в Совмине, один из вопросов – твой. Свяжись завтра с отделом обкома, нужно подготовить документы. Иван Сергеевич, все должно быть учтено: конкретные задачи, объемы, сроки. Не нужно высоких слов и всяческой болтовни – только конкретика.

Два дня вместе со своими службами Иван Сергеевич готовил документы, лично проверял каждую цифру, каждый факт, каждое утверждение. Ведь читать эти документы будут профессионалы, для которых самое главное – научно обоснованный расчет, в рамках которого и будут происходить важнейшие события для города и страны.

Поездка в Москву, как сказал первый секретарь, была удачной, план реконструкции поддержали. Теперь оставалось ждать. Наконец, в ноябре 1962 года вышло долгождан-

ное распоряжение Лен совнархоза о создании строительного треста № 47 «Кировстрой». В документе для служебного пользования уточнялось: «...с целью расширения и строительства новых, современных производственных мощностей для отечественной оборонной промышленности...»

Так начинался 47-й трест «Кировстрой».

Первый управляющий трестом Владимир Геннадьевич Высотский на Кировский завод пришел с тонкой папкой, в которой лежали два документа: распоряжение о создании треста, и приказ о назначении его управляющим. Дежурный на проходной, видимо, предупрежденный, сопровождал высокого гостя в заводоуправление, к директору. Иван Сергеевич ждал его. Он вышел в приемную, тепло поздоровался, помог раздеться, пригласил к себе.

– Заждался я вас, Владимир Геннадьевич. Высотский удивился.

– Но я только вчера получил приказ о назначении.

– Да я не об этом. Строителей заждался, дел невпроворот. Да что там говорить. Сейчас мы пройдем по заводу, и Вы сами все увидите, заодно познакомлю со службами.

Уже через полчаса они шагали по огромной территории завода, начав свой путь от Алексеевской проходной. Шли, где-то заходя в цеха, иногда упирались в Финский залив, иногда обходили старые почерневшие здания, и Иван Сергеевич взволнованно и влюблено говорил о заводе, о его прошлом и настоящем, но большей частью – о будущем.

– Представляете, сколько нужно сделать? – он обводил руками вокруг. – Вот здесь нужно построить прокатный цех. Я даже вижу, какое будет это здание: красивое, ажурное, оно прямо взлетит ввысь... Пройдет несколько лет, и Кировский завод преобразится. Надеюсь, это произойдет с вашей помощью, Владимир Геннадьевич... а какая прокатка без мартена? Вот там он и будет стоять, видите? Чуть левее. Рядом с ним – чугунолитейный и фасоннолитейный цеха. Вы что-нибудь слышали о нашем тракторе, «Кировце»? Мы же его по старинке делаем. Надо построить главный тракторный конвейер. Значит – понадобятся склады, не обойтись без механических цехов, без цеха штампов и приспособлений, без кузнечного цеха, цеха гальваники, цеха окраски кабин. А изготовление турбин? Это же наша гордость, но одновременно и слабое место. Нужна как воздух стендовая котельная для испытания турбин, нужен сборочно-сварочный цех... Одним словом – много всего нужно...

На этой удивительной заводской экскурсии говорил, по сути, один Иван Сергеевич, Высотскому только изредка удалось вставить словечко-другое. Стоило ему о чем-либо спросить, как сразу на него обрушивался поток информации. Чувствовалось, что человек, ведущий его по огромной заводской территории, знает все: и людей, работающих в цехах, и сколько лет простояли здесь эти старые, почерневшие здания, и типы станков, установленных в тесном пространстве, и главное, что нужно сделать, чтобы людям стало удоб-

но работать, а страна получила долгожданное и необходимое.

Закончился «поход» у заводоуправления.

– Владимир Геннадьевич, когда ожидать первые бригады?

– К нам придут люди из других трестов, Иван Сергеевич, а это всегда болезненно: новые коллективы, новые места работы, все другое. Вы это, конечно, понимаете.

– И понимаю, и знаю на практике, для того, чтобы вам было полегче разговаривать с людьми, администрация с нашим профсоюзным комитетом решила: всем работникам треста, а это касается и инженеров, и рабочих, выдать постоянные пропуска. Они будут пользоваться всеми социальными благами, что предусмотрены на заводе. Проще говоря, вы вливаетесь в семью кировчан. И знайте – мы, старые работники завода, всегда рядом. Надо будет – и поможем, и подскажем, да и у вас, строителей, совета спросим. Мы не гордые.

После этого разговора прошло несколько недель, и первый бетон был уложен при реконструкции цеха, изготавливавшего кабины нового трактора. В цехах турбинного производства, где сваривали задние мосты, стали менять мостовые краны, подводить инженерные сети, и все это без остановок производства. План реконструкции Кировского завода вступил в действие.

Пока разрабатывался и утверждался проект нового трактора, запустили конвейерный цех. Трудности и проблемы возникали на каждом шагу, при строительстве фундамен-

тов, каналов для коммуникаций, да практический всего, что ниже земли на метр – все заливалось грунтовыми водами. Тогда строители впервые применили металлическую изоляцию. Сроки сократили намного, но и «разборок» у высоко-го московского начальства было немало. Ну конечно, расход дефицитных материалов не был предусмотрен ни правилами, ни нормами. Грозилась даже отдать под суд управляющего трестом. Поставил точку в этой склоке Исаев. На одном из заседаний в обкоме партии он в сердцах сказал:

– Отстаньте от строителей! Если надо, судите меня.

И вот первый трактор, построенный на обновлённом заводе, проложил первую борозду на полях совхоза «Предпортовый», недалеко от поселка Горелово. Первый серийный К-700 провожал за ворота весь заводской коллектив. Когда трактор вышел на проспект Стачек и остановился, Иван Сергеевич Исаев подошел к своему «детищу» и, коснувшись крыла, словно бы подтолкнул его вперед, отправив на долгую жизнь. Так и врезалась в память заводчанам картина: пустынный проспект Стачек, посередине медленно, как на показе мод, катит К-700, а позади стоит директор и со слезами на глазах смотрит вслед.

Вечером Исаев разыскал Владимира Геннадьевича по телефону.

– Спасибо вам, Владимир Геннадьевич, и всему вашему коллективу. Вам особенно. Поверьте, моему жизненному опыту: очень многое, если не все, зависит от руководителя,

от его компетентности, зрелости, инициативы, умения сплотить вокруг себя людей. Вы на ровном месте создали практически новое предприятие, а это ох какое нелегкое дело. Спасибо за то, что вы уже сделали, но сделать предстоит еще больше.

Отступление первое

С чего начинается стройка?

В первую очередь, с человеческого фактора. Нужно подобрать руководителей строительных управлений, строительных участков, производителей работ инженеров, проектировщиков, снабженцев, и много других работников, без которых стройка остановится. Но самое главное – нужны рабочие. И не просто люди, освоившие простую истину: «Бери больше, кидай дальше». Нужны рабочие-специалисты. Все эти правила и законы касаются любого производства, однако для строительства их важность первостепенна.

Для нового цеха или завода заранее известно, сколько потребуется рабочих и руководителей, и каких специальностей, в каких условиях, почти не зависящих от погоды, они будут работать. Все учтено в инструкциях, технических картах. Взять ту же мартеновскую печь. Процесс варки стали влияет на организацию коллектива; печь нельзя оставить без надзора, ее невозможно остановить, пока не выдана готовая сталь, и многое другое. Вся эта цепочка прописана в соот-

ветствующих регламентирующих документах.

Совершенно иное мы видим на стройке.

Строительство – непрерывный процесс организации производства. Любой строительный объект, будь это цех, административное здание, жилой дом – всегда индивидуален. Различны инженерные сооружения, необходимые для решения вопросов экологии, инфраструктура, дворовые территории. Многое зависит от условий, где идет строительство. Одно дело – стройка на чистом месте, где нет тесноты, помех, и можно применить механизмы, способствующие повышению производительности труда. Другое дело – когда идет реконструкция цеха, при этом ставятся жесткие условия – без остановки производства.

При нашей российской погоде строить летом или зимой – совершенно разные вещи. Одни и те же работы организуются по-разному на земле и на высоте.

Строительство – взаимодействие огромного количества организаций, цехов, заводов и проектных организаций. А это все люди – мастера, прорабы, бригадиры, рабочие и инженеры, связанные единой целью, увлеченные созиданием. От их профессионализма, трудолюбия, настойчивости, знаний, зависит успех. Строитель трудится для своего и будущего поколений. Это умение заложено в самой сущности профессии: архитектора, когда он определяет внешний вид сооружения, конструктора, рассчитывающего прочность здания, бетонщика, каменщика, монтажника, штукатур и маляра,

выполняющих своими руками все то, что сделали проектанты.

Сейчас можно прочесть только в книгах рассказы о старой жизни потомственных российских строителей. Они начинаются с упоминания о сезоннике – каменщике или плотнике, который собирал свой инструмент, упаковывая его в холщовый мешок, где кельма и рубанок лежали рядом с краюхой черного хлеба. Не было еще машин, основные орудия труда – лопата, носилки, тачка и другие инструменты, названия которых давно забыли. Сейчас много техники, много сложных и разнообразных инструментов, убыстряющих и облегчающих строительство.

Один из главных факторов, при наличии которого строительство возможно, это собственная производственная база, которая включает в себя; бетонно-растворный узел, арматурный цех, хотя бы небольшую столярку, ремонтные мастерские для средств малой механизации, без которой не уложить ни одного кубометра бетона, гараж для автомашин, боксы для экскаваторов и бульдозеров. Все это необходимо, а за этим подтягиваются электроэнергия, вода, канализация, подъездные железнодорожные и автомобильные нити.

Руководство Треста № 47 «Кировстрой» начинало стройку с чистого листа, не имея ничего, что нужно строительному предприятию, и за короткое время сумело превратить Кировский завод в огромную строительную площадку, создавая уникальные корпуса, разбирая закопченные старые

цеха, напоминавшие сараи. Они несли колоссальную ответственность за сроки выполнения работ, порой взятые «с потолка» – как подарок к какому-либо празднику или юбилею. При этом руководители хорошо понимали, что без развития своих мощностей не обойтись. Вырастал завод железобетонных изделий недалеко от станции Автово. Туда уже через год поступали вагоны со щебнем, цементом, арматурой, металлом. В две смены выпускали раствор и бетон, готовили деревянную опалубку, ремонтировали механизмы.

Конечно, главные объекты строительства были на Кировском заводе, а «у себя» строили без призывов и афиш, как правило, в выходные дни, по ночам выполняли работы, проектировали на ходу. Иногда эскиз, нарисованный главным инженером треста, был основным и единственным документом при выполнении работ. Через два месяца после создания треста исчез в очередной перестройке Совнархоз, появилось Главное управление по строительству в западных районах страны – Главзапстрой, очередной посредник между трестом и Министерством. Основной лозунг аппарата – «Даешь план!».

Попробуй не дай. Не хватает людей, нужно жилье, Руководство треста ставит эти вопросы перед главком, райкомом партии. Вопросы бумерангом возвращаются назад. Трест проводит организованные наборы по всей стране. Приезжают люди и становятся «лимитчиками», нужно построить для них хотя бы общежития.

Но это временная мера. Вокруг ведь не «море тайги», люди приехали сюда навсегда, они будут здесь жить и работать. И работа увеличивается. Вот уже и судостроительный завод, что рядом с Кировским, приступил к реконструкции цехов, эллингов, там строятся бытовые корпуса для рабочих. Видя такой размах, наверху решили, что все промышленные предприятия на территории Кировского района способен реконструировать и построить трест № 47. В теплых и светлых кабинетах легко строить планы, трудно их реализовывать.

Вот только краткое перечисление объектов, реконструировать и построить которые было поручено тресту номер сорок семь:

- комплекс профессионально-технического комбината «Фосфорит» в Кингисеппе;
- цеха заводов им. Калинина, «Знамя Октября», «Темп», имени Карла Маркса, имени Ворошилова, «Ленинская искра», «Равенство», «Вторчермет», «Компрессор», «Слоистые пластики», «Красный треугольник»;
- десятки фабрик различного профиля;
- электродепо «Автово»;
- мельничный комбинат «Предпортовый»;
- новые корпуса гидролизного завода;
- и много других, более мелких объектов, память о которых сохранили только архивы.

На мольбы о нехватке рабочих трест получил военно-строительный отряд. Это была неквалифицированная ра-

бочая сила, солдаты плохо говорили по-русски, потому что все были выходцами из Средней Азии и Кавказа, от работы отлынивали, вероятно, следуя армейскому завету: «Солдат спит – служба идет». Руководители стройки пробовали жаловаться высокому армейскому начальству, но результат остался прежним.

Вскоре, чтобы закрыть возросшие объемы работ, трест получил второй военно-строительный отряд. Слава Богу опыт уже был. Учили работать, русскому языку, дисциплине и изредка – строевой подготовке.

В то же время партия и правительство великой страны решили сделать российские деревни похожими на города. И дополнительные задания, разумеется, получил трест. Нужно было построить фермы, жилые дома, сельские школы, больницы, инфраструктуру. И опять груз проблем; доставить людей к месту строительства, накормить, сделать работу ритмичной и выполнить ее в срок, установленный партийным штабом.

Надо, надо, надо, – твердило начальство. И только для своего коллектива все в последнюю очередь, по остаточному принципу – если хватит рабочих рук, материалов и техники.

Когда начальство узнало, что по улице Лени Голикова заложили несколько фундаментов под жилые дома для сотрудников треста, скандал разгорелся невообразимый. Значит, хватает еще резервов, сделали вывод верхи. А если так, то возьмите и постройте учебные корпуса Института целлюлоз-

но-бумажной промышленности (сейчас Университет полимерных материалов). Опять перестройка: в организации работ, в обеспечении материальными ресурсами. Но разве тем, кто дает подобные указания, есть до всего этого дело?

Однако, на какие бы объекты не отвлекался трест, главным всегда было одно – цеха Кировского завода. Вдоль проспекта Стачек, напротив Кировского рынка стоит прекрасный архитектурный ансамбль. Вверху, над парапетом, летящие в небе буквы – «Кировский завод». Внутри здания – мечта Ивана Сергеевича Исаева – прокатный стан, чуть сбоку – трубы мартеновского цеха.

Только с высоты птичьего полета можно увидеть огромный корпус, что стоит на берегу Финского залива. Таких размеров зданий в городе по пальцам сосчитать. Назван скромно – корпус «Б». Он построен на намывной территории. После окончания строительства сюда входил атомоход и огромные, уникальные турбинные установки занимали свои места. И бороздили атомные подводные лодки моря и океаны, иногда всплывая на Северном полюсе. Жизнь им давал Кировский завод, а вот строили цех работники треста.

Конечно, не строители ведут проектирование. Однако именно им достаются самые трудные задачи, и трест достойно и в нужные сроки справляется со сложнейшей проблемой переустройства Кировского завода в высокоразвитое предприятие двадцать первого века. Помимо создания на заводской территории новых корпусов, в цехах времен еще Пути-

ловской постройки было создано современное производство с замкнутым конвейерным циклом. При этом на всем протяжении реконструкции цеха ни на минуту не прекращали работы.

1984 год. На завод пришел новый директор, Станислав Павлович Чернов. Слово «новый», конечно, к нему мало подходит. Более двадцати лет он был связан с Кировским заводом, с тех самых пор, когда после окончания института стал работать технологом на «старой кузнице», которая в незапамятные времена выпускала штамповки для трактора «Фордзон-путиловец». Он шагал по ступенькам карьерной лестнице легко, без напряжения. Поэтому неудивительно, что очень скоро его, талантливого руководителя, избрали первым секретарем. Кировского райкома партии. Той самой партии, которая руководила всей нашей жизнью, и направляла ее туда, куда считала нужным.

Однако после двухлетнего перерыва он вернулся на завод, но уже генеральным директором. Такова была воля партии.

Станислав Павлович возглавил огромный коллектив, составляющий почти шестьдесят тысяч человек, а если добавить семьи работников, то получится город средних размеров. И опять задачи, задачи, задачи...

Идут испытания и доработка трактора К-701М, призванного заменить устаревшие модели, продолжаются работы по модернизации танка Т-80, самоходной артиллерийской установки большой мощности, паротурбинных установок для су-

дов гражданского морского флота и кораблей ВМФ.

Ну разве может все это обойтись без строителей? Да нет, конечно. И вновь сжатые до предела сроки требовали одновременного ведения огромной работы по реконструкции и строительству новых производственных мощностей, где трест координировал работу нескольких десятков субподрядных организаций.

Отступление второе

Речка Емельяновка, что разделяла Кировский завод и теперешние Северные верфи у Алексеевской проходной, метров сорок шириной. По улице Корабельной она давным-давно текла под землей. Именно эта не видная никому речка и явилась причиной беспокойства заводских специалистов. Поздней осенью, возле «зуборезного» цеха, прямо под окнами треста, стояла небольшая группа людей. Среди всех выделялся генеральный директор – Станислав Павлович Чернов. Он медленно ходил по дорожке, останавливался, задумчиво смотрел на воду, на другой берег. Неожиданно остановившись, он нарушил молчание, обращаясь к своему заместителю.

– И что же, в другом месте нельзя построить?

Заместитель, высокий, рыхловатый мужчина, молчал. Станислав Павлович, на секунду взглянув на него, продолжил...

– Совсем недавно здесь корюшку ловили.

– И сейчас ловят, только есть эту корюшку нельзя, – вдруг сказал заместитель.

– Почему нельзя? – Генеральный директор подошел к своему заму.

– А Вы на воду поглядите. Одно название. Больше мазута, чем воды. Последнее китайское предупреждение завод получил от «санитаров», вплоть до остановки цехов.

Станислав Павлович снял кепку, платком протер лоб.

– Да, дела... – задумчиво протянул он. – Рассказывай, Всеволод Львович, что вы тут придумали.

– Мой разговор будет короткий. Проектанты приняли решение, и я с ними согласен. В пойме речки Емельяновки нужно построить очистные сооружения. Со всей площадки Кировского завода. Собрать сточные воды на очистку.

– А речку куда денем?

– Взгляните, Станислав Павлович. – Заместитель стал разворачивать большой лист ватмана.

– Чертежи посмотрим в кабинете. Ты на пальцах покажи и расскажи, что делать будем. Вперед вышел молодой мужчина.

– Станислав Павлович, я главный инженер проекта. Если позволите, расскажу суть идеи.

Чернов посмотрел на заместителя, на директора проектного института, на управляющий строительный трест, подошел к черно-бурой воде, по поверхности которой плыли ра-

дужные маслянистые пятна.

– Рассказывай.

Проектант быстро, боясь, чтобы его не перебили, начал докладывать.

– Воду из речки мы забираем в два коллектора, у противоположного берега.

– Каких размеров коллектор?

– Четыре на четыре метра каждый, – медленно, как бы сомневаясь, повторил 90-кладчик.

– Это что же, мы тоннель метрополитена прокладываем?

– Да, размеры внушительные, но и объем воды огромен.

– Продолжай, – махнул рукой Чернов.

– После прокладки коллекторов вся пойма засыпается, и строятся очистные сооружения.

– Вроде бы все просто, – вставил Станислав Павлович.

– Да нет, коллектор и очистные – только небольшая часть проекта. Главное – со всей территории собрать воду и направить ее на очистку.

Главный инженер остановился, глубоко вздохнул, и уже спокойно продолжил.

– Главная работа – пройти по заводу и проложить десятки километров труб, построить восемь насосных станций глубиной от десяти до двадцати метров.

Все молчали, старались не глядеть на генерального. Станислав Павлович обратился к директору проектного института.

– И сколько все это стоит?

Тот назвал цифру, оговорившись, что она приблизительная.

– Вы что, обалдели? Да за такие деньги новый завод можно построить.

– Можно, – согласился директор. – Однако Кировский завод уже построен, забыли только самую малость.

– Какую малость? – перебил его Станислав Павлович.

– Об экологии подумать – закончил директор института.

Все замолчали, темная, радужная вода плескалась внизу.

– Да, наверное, вы правы, про экологию мы забыли, – вдруг неожиданно для всех, задумчиво повторил Станислав Павлович.

– Всеволод Львович, – обратился он к своему заместителю, – подготовьте техническое совещание по строительству очистных сооружений с полной схемой, где пройдут коллектора, какие цеха затронет эта работа. Желательно, чтобы была уже готова техническая документация, хотя бы примерные сроки строительства, и объем работ. Сколько времени надо для этого?

– Месяц.

– Тогда за работу.

Инженерные сети любого здания, а тем более огромного завода – это кровеносные сосуды. Без них все мертво. Прокладка новых сетей или замена старых всегда трудна и проблематична. Жители городов частенько наблюдают, как на

городских магистральных вскрываются асфальтобетонные покрытия и укладываются трубы. Какие неудобства возникают сразу! Перекрываются улицы, меняются маршруты движения автотранспорта. А здесь – Кировский завод, которому почти двести лет. Страшная теснота вокруг, так что о сетях и говорить не приходится.

И снова тресту нужно было перестраивать всю организационно-технологическую структуру. Главное – подготовить и обучить людей. Вновь весь завод, от Алексеевской проходной до Калининской, стал огромной строительной площадкой. Графики производства работ составлены по часам. Главная задача для всех одна – при всей сложности работ все цеха должны функционировать, проезды и проходы к ним должны быть свободными.

Основная работа идет в ночные часы, в выходные и праздничные дни. Забивается в землю тысячи тонн металлического шпунта – иначе нельзя, пространство между зданиями не позволяет выкопать траншею, настолько оно минимально. Железобетонные «стаканы» канализационных насосных станций опускаются глубоко в землю. Здесь все просто: внутри копается земля и стакан опускается под своим весом. Главное для «стакана» – найти место.

Это в фантастических фильмах такую работу можно сделать при помощи автоматов, а в обычной жизни без человеческих рук не обойтись. Бывает, вмешивается в процесс и пресловутый «человеческий фактор» – это и разрывы элек-

трических кабелей, и других существующих сетей. Однако сигналы SOS на заводе звучали редко, а простоев цехов и вовсе не было. Хотя мелкие неприятности все же случались. Чрезвычайные происшествия устранялись быстро, и до беды дело не доходило.

Время бежит 'незаметно. Сегодня, когда прошло тридцать лет с той поры, можно удивляться: почему прокладку коммуникаций осуществляли траншейным способом. Ведь он требует проведения работ по стабилизации грунта, а это чрезвычайно трудоемкое занятие. Траншеи часто заливало грунтовыми водами, и вся работа шла насмарку. Сейчас бестраншейные методы лишены многих недостатков открытых способов строительства, жаль, что они появились относительно недавно.

Главные работы велись в русле речки Емельяновки. Все мы видели, как в метро поезд вылетает из темного пространства. В эти пространства не водят экскурсии. Никто не знает, что ждет человека в таинственных и темных тоннелях метро. Порой и заглядывать туда страшно. О темных и таинственных тоннелях здесь сказано вот для чего: два коллектора диаметром чуть меньше метро были построены вдоль берега завода имени Жданова, нынче «Северной верфи». Поезда в коллекторах не ходили, но груженые КАМАЗы спокойно, на малых скоростях развозили материалы.

После сдачи железобетонных тоннелей вода речки Емельяновки была перенаправлена, для нее они стали новым

руслom, а для корюшки – новым местом обитания.

После засыпки территории были построены песколовки, маслоуловители, нефте-отделители, масло-бензоуловители, нефте-ловушки и другие сооружения, необходимые для высокого качества очистки и длительной работы системы канализации.

Выполняя работы по строительству инженерных сетей и очистных сооружений, требовавших повышенного внимания и тотального контроля, как правило, привлекались лучшие инженерные и рабочие кадры, но при этом руководство главка не забывало нагружать трест дополнительными работами, от которых было невозможно отказаться. Шло строительство мельничного комбината «Предпортовый» – суперсовременного предприятия со швейцарским оборудованием – таких комбинатов было всего два в стране. Контроль был жесточайший. Шефмонтаж осуществляли швейцарцы, и требования их к монтажу держались на уровне мировых стандартов. На заводе «Равенство», выпускающем продукцию военно-промышленного комплекса, шло строительство цехов первой и второй очереди. Завод «Северная верфь», как и Кировский завод, был охвачен по всей площади стройкой. И еще с десятков предприятий требовали к себе внимания треста. Кто-то подсчитал, что за рабочую неделю проходило до сорока различных планерок, летучек, и т. д., не считая совещаний в райкоме, обкоме и главке.

Режим работы всех служб треста был четырнадцать-шест-

надцать часов в сутки. Времени оставалось только на сон. Для руководства треста дополнительной нагрузкой являлись эксплуатация жилого фонда, что находился на балансе, и строительство производственной базы. Но во все времена строительство и реконструкция объектов на Кировском заводе были задачей номер один.

Рядом с заводоуправлением стал расти цех окраски кабин, благодаря ему завод вскоре решил многие проблемы. Были при этом, конечно, и трудности. Но строители уже привыкли к тому, что легких объектов не бывает.

Трест приступил к строительству второй линии главного тракторного конвейера, заодно реконструируя и первую линию. А на знаменитой «Лужайке» – так называлась площадка строительства за дачей Дашковой, где нынче располагается районный отдел по регистрации браков, поднялся огромный корпус площадью более ста тысяч квадратных метров – в нем собирались изготавливать кабины тракторов. Планировалось строительство нового кузнечного цеха. На вторую площадку сумели подать воду, пройдя несколько километров в труднейших условиях. Там же заложили мощную котельную со складом мазута и масел, подведя к ней железнодорожные пути. В это время трест достиг численности в три тысячи человек. Случалось, что на строительстве объектов, особенно при их сдаче, трудились до сорока субподрядных организаций.

А потом пришла перестройка, гласность, к власти при-

шла первая волна демократов. Испарились министерства и ведомства. Тихо исчезла советская власть, а за нею и Страна Советов. Новый флаг стал развеваться над нашей Родиной.

Наконец, в Россию пришел его величество рынок. Улицы, площади, стадионы, концертные залы превратились в торговые ряды. Все, от рабочих до инженеров, стали торговать.

Какие заводы, какая стройка! Никто не думал о перспективах, жили сегодняшним днем, уповая на рынок и рыночные отношения. Рынок все определит и все поставит на свои места. Все будет, «как у них». Да, да, точно так же, как в Лондоне и Париже. Потерпите еще немного.

Отступление третье

Генеральные секретари коммунистической партии, они же руководители государства, умирали друг за другом. Брежнев, Андропов, Черненко... Видимо, в политбюро устали от похорон, и в марте 1985 года Генеральным секретарем был избран пятидесятичетырехлетний Михаил Сергеевич Горбачев.

Находясь на вершине власти, Горбачев дал старт «перестройке»; проводил многочисленные реформы и компании, которые в итоге привели к рыночной экономике, свободным выборам, уничтожению монопольной власти коммунистов и распаду великой империи по имени Советский Союз.

Он обещал за короткие сроки поднять промышленность

и благосостояние народа, отчаянно боролся с алкоголем и «нетрудовыми доходами», которые в действительности касались бабушек, продающих на городских рынках зелень и редиску, репетиторов, за скромную оплату вдалбливающих российским недорослям школьную науку, автомобильных «бомбил», и т. д. Повсеместно внедрялись кооперативы с одновременным исчезновением продуктов из государственных магазинов. Закончилась вся эта вакханалия введение карточной системы практически на все виды продовольствия. Каждый месяц россиян ждали новшества, иногда оглушительные: вывод войск из Афганистана, падение Берлинской стены... Мир приветствовал Горбачева и его реформы, хотя во внутренней политике дела шли очень неважно. Республики, особенно прибалтийские, хотели большей экономической самостоятельности и политической свободы, отсюда конфликты и кровопролитие: события в Тбилиси, ситуация в Приднестровье, конфликт в Фергане, беспорядки в Душанбе, ввод войск в Баку.

Главным в жизни, конечно, была экономика. Ключевое понятие в реформах – ускорение производства, развитие социальной сферы, научно-технического прогресса. Приоритетная задача – машиностроение. При этом упор делался на укрепление производственной и исполнительской дисциплины, на всех предприятиях ввели госприемку.

Мы радовались новой жизни. Разве можно было остаться равнодушным к призывам Горбачева повернуть экономику

к человеку, создать достойные условия труда и жизни советских людей, переориентировать экономику на социальные нужды, реформировать село, создать нормальные условия для крестьянина, повысить жизненный уровень населения, обеспечить каждую семью квартирой или домом к 2000 году, позаботиться о ветеранах войны и труда, сократить управленческие расходы, установить полнокровный социалистический рынок, создать правовое государство.

Казалось страна вступает в новую жизнь: формировалась политическая демократия, появлялась конкуренция, трудовая мотивация. Государству же отводилась роль гаранта. К сожалению, это только казалось. Вместо дела пошла болтовня, демагогия, прикрытая заботой о людях. Приняли законы и постановления, регламентирующие управление предприятиями, участками, бригадами. В организациях появились советы трудовых коллективов, пошли повсеместные выборы всех мастей и уровней. Возглавляли эту работу, как всегда, партийные организаторы.

..В кабинете управляющего 47 трестом Юрия Александровича Сенина только что прошло совещание. Повестка – ввод объектов в эксплуатацию. Народу пригласили много, никак не рассчитав с площадью помещения, так что духота здесь стояла невообразимая.

После совещания секретарь парткома попросил меня задержаться на минуту, и мы остались втроем.

– Ну, что ты хотел сказать? – обратился управляющий к

партийному секретарю. – Только не тяни, Семеныч, а то мы здесь вымрем от духоты...

– Выборы нужны, дорогие товарищи руководители, – выдохнул парт секретарь.

– Какие выборы?

– Выборы управляющего трестом.

– Давай в следующий раз, – попытался избежать неприятного разговора Сенин.

– Следующего раза не будет, Юрий Александрович, и так райком партии нас в черные списки занес. Если сейчас не договоримся, придется мне срочно собрать партком.

– А что тебе эти выборы приспичили?

– Партия велела. Как будто ты не знаешь... Время такое.

– Хорошо, а кто моим соперником будет? Парт секретарь раздраженно махнул рукой.

– Да вот хотя бы он, – он кивнул на меня.

Я не вмешивался в их диалог, потому что не понимал до конца, о чем идет речь. Похоже, они не в первый раз обсуждали эту тему, и сейчас разговор достиг своей кульминации.

– Пиши заявление, – обратился ко мне секретарь парткома.

– Какое заявление?

– Что ты согласен на выборах управляющего быть его соперником.

Меня поразило и разозлило этот цинизм, хотя партийный секретарь был, в общем, мужиком неплохим.

– Слушай, мне не до шуток, – я встал и вышел из кабинета.

Часа через два раздался звонок по внутренней связи. Звонили из парткома, срочно просили быть у секретаря.

– Что случилось-то?

– Вопрос обсудим на месте.

В кабинете сидели четыре человека: секретарь, его заместитель по идеологии, управляющий трестом и секретарь партийной ячейки аппарата треста.

Секретарь не стал тянуть резину, сразу приступил к делу.

– С выборами управляющего трестом медлить нельзя. Мы остались последними, кто не проводил такого важного политического мероприятия.

– Но я же сказал, что согласен, – перебил его Юрий Александрович Сенин.

– Вы то сказали, однако соперник ваш должен быть серьезным, нам ведь не галочки нужны.

– А что, главный инженер треста не годится? – опять перебил секретаря управляющий.

– Годится, но он к этому относится как к игрушкам и не желает участвовать в выборах.

Все повернулись ко мне. Я тоже смотрел на них и лихорадочно придумывал ответ. Разные мысли одолевали меня. Господи, ну чего этим людям от меня нужно? Я главный инженер треста, многие хотели бы работать на моем месте. Я строил уникальные сооружения, аналогов которым нет не только в нашей огромной стране, но и в мире. Я люблю свою

работу, что тоже немаловажно...

Что нужно этим людям: выполнить очередное указание вышестоящих партийных чиновников, или они радеют за судьбу нашего предприятия?

Сенин, обращаясь ко мне, как-то устало сказал:

– Соглашайся, Михаил Константинович... Я и сам понимаю, что это профанация, но надо, значит надо.

– Но у вас же три заместителя, им по рангу положено вас замещать и участвовать в таких «ролевых» играх.

– Да мне-то все равно, кто будет участвовать в выборах, но у замов моих возраст пенсионный. Я прошу тебя, не отказывайся. Чего мне бояться на выборах? Я двадцать пять лет работаю в тресте, начинал прорабом, каждую ступеньку прошел до управляющего. Людям я только добро делал. Поэтому и уверен, в нашем случае вся эта затея – формальное мероприятие. И что плохого в этом? Пусть и тебя люди узнают, лишний раз показаться перед ними не вредно. Ну как, убедил я тебя?

– Не готов я, Юрий Александрович.

– К чему не готов?

– К выборам.

– А кто тебя выбирать собирается?

– Зачем тогда участвовать, если результат заранее известен?

– Может, на колени встать перед тобой?

– На колени не надо.

– Значит, по рукам?

Я молчал, опустив голову.

– Ну, вот и решили, – с облегчением сказал секретарь.

Юрий Александрович, не глядя на меня, встал и вышел из кабинета. Вышли и другие, мы остались одни с секретарем. Он дал мне лист бумаги, и я под его диктовку написал текст заявления. Делал все молча. Отдав бумагу и ручку, пошел к двери.

– Ты чего боялся-то? – спросил он вдогонку.

– Ничего не боялся.

– Не вздумай отказаться перед выборами, партия не простит.

Я повернулся и посмотрел на него.

– Ладно уж... Не смотри на меня, как на врага народа...

Может, конечно, ты и прав – лучше бетон на стройке принимать, чем интригами в партийных кабинетах заниматься...

* * *

Большой зал Дома культуры имени Газа, что стоит рядом со станцией метро Кировский завод, был заполнен до отказа. Желающих было так много, что открыли второй ярус и балконы.

Офицерский состав военно-строительных отрядов, не имеющих права участвовать в выборах руководителя треста, явился при параде и в полном составе.

Я пытаюсь найти себе место, хочу укрыться от людских глаз. Но где уж тут скрыться! Сотни взглядов, самых разных: оценивающих, равнодушных, радостных. Что ждет меня впереди? Как бьется сердце, все-таки я волнуюсь.

Стих гул в зале. Дошла очередь до меня. Я стою на огромной сцене, освещенный светом ламп. Мне видны первые несколько рядов, а дальше – темнота. Но я знаю, что отовсюду за мной наблюдают сотни людей, я слышу их дыхание и приглушенные голоса.

Мое выступление длилось несколько минут. Я был готов к вопросам. Молодой мужчина спрашивает, почему я не рассказал о своей программе? Отвечаю, что она у меня точно такая же, как у Юрия Александровича Сенина. Слышу недовольные голоса. Задают вопросы о строительстве жилья для работников треста, о повышении заработной платы.

Все, как всегда. Но неужели люди не понимают, что здесь происходит игра? Пытаюсь отвечать честно.

Наконец, испытание закончилось. Я ухожу с освещенной сцены в темный зал. Началось голосование. И вдруг я замечаю беспокойные лица секретаря парткома, работников райкома и Главка, участвующих в собрании. Они о чем-то шушукаются, счетная комиссия вновь собирается где-то за кулисами.

Вижу, что-то пошло не так, как планировали. Что? Наконец, президиум занял места. Удивительно, но зал по-прежнему полон, никто не расходится. Обычно народ не удер-

жишь, разбегаются сразу же после голосования. Юрий Александрович присел на первый ряд, до выборов мы сидели вместе в центре зала.

Думаю, правильно делает, рядом со сценой, чтобы поблагодарить за оказанное доверие. Но почему-то не радостны лица членов президиума. И вот финал. Председатель счетной комиссии зачитывает протокол. Я не верю своим ушам. Юрий Александрович Сенин, руководитель треста, отдавший ему столько лет своей жизни, здоровья, сил, умный, способный ко многим свершениям руководитель, отвергнут коллективом, причем убедительным большинством. Кого же выбрали люди? Меня?

Меня. Но разве я могу быть руководителем такого ранга? После того, как председатель зачитал протокол, люди в зале встали и долго хлопали. И вот тут я и начал понимать, что это вовсе не игрушки, а дело вполне серьезное. Я тоже стоял вместе со всеми, кому-то кивал головой, кому-то пожимал руки. Я с трудом осознавал, что со мной происходит, чувства переполняли меня.

Никто из организаторов собрания не подошел ко мне. Вероятно, они просто не знали, как им вести себя. Я убежден в том, что сразу же после собрания они побежали советоваться со своим начальством: как им жить дальше после этой оглушительной оплеухи? Через короткое время они снова стали организаторами. Партия не любила случайностей, поэтому вскоре были назначены повторные выборы руководителя

треста. Но это уже другой рассказ, не менее драматичный. Скажу лишь, что я все-таки возглавил 47-й трест, и руководжу ими по сей день.

* * *

Тресту пришлось перестраиваться. Через много лет он вернулся к строительству жилых домов. На первый взгляд – ничего необычного. Стройка, она и есть стройка. Однако это только на первый взгляд. На строительстве жилых домов все другое – и краны, и механизмы, и детали. Надо набраться терпения, и учиться заново – и рабочим, и руководителям. В жизни треста это уже бывало, и не раз.

И вот на городских улицах и площадях появились здания, построенные трестом № 47. Здания, где живут и работают петербуржцы. Пережив сложные структурные преобразования, трест начал поднимать производство. Не были забыты навыки реконструкции зданий. Старый фонд – «больная мозоль» Петербурга, его социальная и градостроительная проблема. С одной стороны, разрушаются памятники архитектуры, постройки, представляющие ценность как культурное наследие, с другой – нечеловеческие условия проживания петербуржцев, и как следствие – неуверенность жителей в том, что когда-нибудь их жизнь наладится.

Реконструкция жилых домов началась с жилого дома по улице Пограничника Гарькавого. От здания, построенного

в конце сороковых годов, строители оставили только фундамент и стены, обеспечив сохранение изначального облика постройки, и, как следствие, историко-культурной среды микрорайона. Кировский район города, родина треста, имеет богатое прошлое, в котором причудливо пересеклись исторические коллизии Санкт-Петербурга, Петрограда, Ленинграда, создав феномен имперско-пролетарского города.

Во время Великой Отечественной войны тихому и домашнему району «Нарвской заставы» был нанесен значительный ущерб, а перестроечная и постперестроечная неразбериха завершила дело. Многие дома приобрели аварийный вид. Судя по сегодняшней ситуации, окончательное разрушение жилых построек, относящихся к культурному наследию – вопрос ближайшего времени. Однако даже в такой ситуации трест не побоялся взяться за реконструкцию домов по Турбинной улице. Весь свой опыт и знания специалисты треста применили на первых домах квартала. Планировалось реконструировать все дома, но, как это часто у нас бывает, появилось множество «но», а потом у власти возникли новые идеи, так что стоят аварийные дома, приходя в негодность, и поныне.

В истории треста много славных страниц, без которых сложно представить развитие современного строительства в Санкт-Петербурге. На счету одной из старейших строительных организаций города – сотни тысяч квадратных метров жилья, множество объектов, жизненно важных для страны,

огромный вклад внесли строители и в культуру города. Но это – тема для других статей и очерков...

Живи и здравствуй, сорок седьмой трест!

Об авторе

Зарубин Михаил Константинович родился 9 апреля 1946 года в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. Получил образование, закончив Иркутский строительный техникум транспортного строительства, Иркутский политехнический институт, факультет менеджмента Манчестерского университета (Великобритания).

Начал трудовую деятельность рабочим, бригадиром, мастером, прорабом, начальником участка, работал на строительных объектах в городе Иркутске, принимал активное участие в строительстве академического городка Восточно-Сибирского филиала Сибирского отделения Академии наук.

В 1976 году переезжает работать в Ленинградскую область, и занимается строительством объектов различного назначения в городах и поселках Выборгского и Приозерского района. В 1982 году переводится начальником строительного управления по строительству и реконструкции объектов оборонного назначения.

В 1987 году назначается главным инженером строительного треста № 47 «Кировстрой».

В 1988 году утверждается (после выборов) управляющим треста № 47 «Кировстрой». Работает руководителем этой компании по настоящее время.

За большой личный вклад при строительстве объектов получил награды:

I – от Президента Российской Федерации:

Орден Почета;

Почётное звание «Заслуженный строитель».

II – от Правительства Российской Федерации:

Звание «Почётный строитель России»;

Звание «Почётный архитектор России»;

Грамота Министра регионального развития РФ.

III – от Федерального Собрания Российской Федерации:

Благодарность Совета Федерации РФ;

Благодарность Государственной думы РФ.

IV – от Правительства города Санкт-Петербурга:

Знак «Строителю Санкт-Петербурга» – 1 степени;

Знак «Строителю Санкт-Петербурга» – II степени;

Диплом «За заслуги в строительной отрасли».

Юбилейные медали:

Медаль «300 лет Российскому флоту»;

Медаль «В память 300-летия Санкт-Петербурга»,

За доблестный труд в честь 100-летия со дня рождения В.

И. Ленина;

Ветеран труда СССР.

V – от Законодательного собрания Санкт-Петербурга:

Почётный диплом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга;

Благодарность Законодательного Собрания Санкт-Петербурга.

VI – от Губернатора Санкт-Петербурга:

Почётный знак «За заслуги перед Санкт-Петербургом»;

Знак отличия «За заслуги перед Санкт-Петербургом»;

Грамота губернатора Санкт-Петербурга;

Благодарность губернатора Санкт-Петербурга.

VII – от районных администраций:

Звание Почётный гражданин Кировского района Санкт-Петербурга;

Знак «За заслуги перед Петродворцовым районом».

VIII – от муниципальных советов:

Звание «Почетный житель Стрельны»;

Звание «Почетный житель Нарвского округа».

IX – от Российского союза строителей:

Орден за заслуги в строительстве;

Почётный знак «Строительная Слава»;

Почётная грамота Российского Союза строителей.

X – от общественных организаций:

Высший орден общественного признания «Почётный гражданин России»;

Строитель года – 2012 г., Санкт-Петербург;

Диплом «Человек года» в номинации «Строитель»;
Грамота Национального объединения строителей России;
Орден Во имя России;
Орден Русь державная;
Почётный знак Общественной – палаты Санкт-Петербурга
га «Признательность Санкт-Петербурга».

Зарубин М. К. – член Союза писателей. Им написаны и изданы двенадцать книг. Многие рассказы и повести публикуются в журналах и сборниках.

За свою литературную деятельность он удостоен трёх литературных премий:

Литературная премия им. А. К. Толстого;

Литературная премия им. Н. А. Тихонова;

Всероссийская православная литературная премия имени Александра Невского.